

Мария Ерова

D(T)ень
оборотня

Мария Ерова
Д(т)ень оборотня

«Литнет»

2021

Ерова М.

Д(т)ень оборотня / М. Ерова — «Литнет», 2021

- Ты спал с ней! – выкрикнула она, яростно сверкая налившимися злостью глазами. – С ведьмой! - И что?! – хмыкнул он, пытаясь сдержать более сильные эмоции. – Я должен оправдываться перед тобой?! Вроде большой уже мальчик! - Ты Спал С Ведьмой! – сжав кулаки, повторила лисица. – Стая тебе этого не простит! Север закатил глаза. - Моя личная жизнь стаи не касается никаким боком! И класть я хотел на ваше чёртово мнение! - Ошибаешься, волчонок! – прошипела Катерина. – Нет у тебя никакого права на личную жизнь! Кроме того, теперь тебя ждёт наказание за содеянное! Смерть! Её смерть! И ты сделаешь это сам, иначе произойдёт ещё нечто более страшное!
#любовь_и_страсть #ведьмы_и_оборотни #противостояние_героев

© Ерова М., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Ведьмы и Оборотни. Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	39
Глава 13	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Пролог

Часть 1 (прошрое)

- Ведьма!
Беззубое лицо бабы Дуни исказило от злости, так, что даже слюна брызнула на сморщенный подбородок. А ведь она была здесь не одна. Десятки злобных, непримиримых лиц. Вся деревня собралась у её дома, чтобы ткнуть пальцем в сторону несчастной, обвинив в колдовстве.
- Ведьма! Ведьма! Ведьма!
Их всё пребывало, злых, неудержимых, разъярённых.
Зоя смотрела в окно, сквозь крохотную щёлку ставен, который раз оборачиваясь, чтобы проверить, заперт ли засов на двери.
Убьют, ей-богу, убьют...
На славу постаралась Любаша, направив на неё всю деревню. Долго, видать, готовилась. А из всех преступлений, что числились за сиротой Зоей, была её красота. Ростом-то девица была не велика, но фигурой ладна, стройна, как тросточка, гибка как ива. И на лицо белое, с румяными щеками, заглядывались местные парни, в глаза как сливы тёмные, глядели, любви и ласки обещая. Да только не податлива была Зоя. Отбивалась, отмахивалась, мол, мала еще, через год приходите. А через год опять песню прежнюю затевала.
Рано оставшись без родителей, не имея ни братьев, ни сестёр, справлялась Зоя с хозяйством сама, благо, зимы стояли тёплые, а лета плодородные. Корову держала, да двух коз, молоком торговала, да грибами-ягодами, когда пора приходила. Огород небольшой держала, да курятник, хватало ей, одинокой, для себя еды. А сено для скотины покупала на вырученные за продажу деньги.

В общем, жила не тужила, да повстречался на дороженьке ей молодец добрый, приезжий, что хозяйством быстро обзавёлся, да жену подыскивать стал. Тут-то и заметил он Зою, а она поначалу, как и остальным – от ворот поворот, хоть и по нраву ей Елисей пришёлся. Но и тот гордым оказался, не простил отказа. Да тут же и посватался к Любаши – дородной богатой девке с приданным, что жила через три дома от Зои, та давно по нему сохла, и вот дождалась. Эта весть мигом прокатилась по всей деревне, да и Зоин дом не обошла стороной.

Опечалилась Зоя, рассердилась на свой характер, да деваться некуда – сама виновата. Спрятать бы гордыню, да поздно: Любаша-то вон с каким видом теперь ходила, словно клад нашла, а может так оно и было. Подготовка к свадьбе шла полным ходом, и теперь в деревне лишь о том и болтали.

И, кажись, все были рады: и Любаша, и родня её, и жители деревни, что предвкушали богатый пир на весь мир. И только сам Елисей, как оказалось, был не рад.

Сыграли свадьбу и зажили, понесла скоро Любаша, и жить бы не тужить, да что-то не весел стал Елисей. Что ни день, всё мрачнее становился, на жену не смотрел, ни пил, ни ел, даже не разговаривал.

Явился он как-то ночью к Зое, забарабанил в двери, умоляя пустить, да не с дурными намерениями. И онапустила, лишь бы всю округу на ноги не поднял. А он давай ей в любви признаваться, говорит, что, мол, поторопился, дурак, и простить-то не простил, может, а ведь сердцу не прикажешь. А оно не к Любаши, а к ней, Зое тянулось, да болеть начало так, что мочи нет терпеть. И сели она, Зоя, его сейчас как есть не примет, один ему путь – в могилу, а не к жене.

А та уж и сама высохла, выгорела, по Елисею, то бишь, исстрадалась. И сговорились они обо всём, благо, ночь на дворе стояла длинная, да порешили так: завтра явится он к Любаши, да в грехе покается. Одарит деньгами ли, шелками ли, что попросит, сделает. Лишь бы отпустила по добру и злу на него не держала.

Так и сделал Елисей поутру. Явился в дом супруги с повинностью, прощения у родителей попросил, да откуп принёс такой, что те от жадности дар речи потеряли и забыли, как клясть «любимого» зятя. А вот Любаша не поддавалась ни в какую. Подбородок вскинула,

губы поджала, как дышать забыла, лишь глядит – взгляд от лица Елисея не отводит. После же велела с глаз долой убираться, и так он и поступил, решив, что успокоится, перебесится со временем. Да забудет.

Да как тут ей забыть, ведь дитё его родное в доме Любаши росло - мальчишка ладный да крепкий, весь в него пошёл. Его не бросал, любил да баловал. Да всё ж на глаза бывшей жёнушке то и дело попадался.

И вновь у местных деревенских случился повод для сплетен – теперь уж было кому косточки перемыть да кого похаять. И Зоя, и Елисей – оба попали под раздачу с тяжёлой руки родственников Любаши, да и её самой. Не простила баба того, что её бросили, начала вредить да козни строить, по малеху, невзначай, там слово скажет, здесь, да так все и слушали, запоминали.

А что болтала? Да пустяки всякие. Поначалу, что приворожила Зойка Елисея, душу дьяволу продала, да телом расплатилась, чтобы муженька её увести. Мол, любовь у них была такой, что только дьявол их различить и мог. А после, когда пожар у Котики случился, громче всех Любушка орала, что это Зойка дом подпалила. Ну, дурная баба! Вот с чего это она взяла?!

А коль у кого корова, аль поросёнок захворает, подружкам всё наищёптывала, что Зойкино ведьмовство всему виной.

А молодым-то чего? Не слушали они её и сплетен не собирали. Жили скромно, да всё честь по чести, в любви и согласии беды не зная. Доходили до них слухи, что беснуется Любаша, да им что с гуся вода. И только одно беспокоило, не случалось у них дитя, и это поболее всего беспокоило Зою. Елисею-то что? Рос у него сынишка, пусть и на стороне, у законной жены, а её уж за глаза пустоцветом кликать начали. И так, и сяк старалась девонька, к знахарке ходила, отвары пила, всё в пустую. Видать, чёрные молитвы Любаши до бога дошли, наказал он её, грешницу, лишив мечты дорогой. Да делать было нечего.

Часть 2 (прошрое)

А однажды пошла Зоя на реку, бельё полоскать, да увидела как Любаша с подруженьками разговорившись, про дитё-то своё и забыла. А Матвей, заигравшись на берегу, незаметно так подобрался к воде, да и нырнул нечаянно рыбкой. Да мал ещё был, плавать совсем не умел, а потому пошёл камнем ко дну. Да хоть нешибко глубоко там было, да много ль ребёнку надо? Не растерялась Зоя, бросилась на выручку, вытащила мальчонку из воды и ну давай его переворачивать, чтобы откашлялся, продышался.

Но тут их увидела Любаша. Заорала, заголосила, и вместо того, чтобы благодарить, коршуном налетела на Зою:

- Ведьма! Убийца! Мужа увела, так ещё и дитя в могилу свести хочешь!

И подружки подхватили, заголосили. И Матвейка, напугавшись, заплакал, ручонки к матери потянул. Вот тут-то и опомнилась Зоя, воспользовавшись мигом, побежала к дому, бельё забыв на берегу, да до него ли сейчас было!

Убьют, ни за что убьют...

А дома, заперев все замки, начала думать, как ей быть дальше. Елисей-то с другими мужиками на охоту ушёл, да только к вечеру должен был вернуться. А Любаша уже по домам пошла, злобные вести понесла, что сынишку её злая ведьма чуть не убила, не утопила. А подруженьки её поддакивали, подпевали, да страху на людей нагнетали.

Вот собралось всё село, да к её дверям припёрло...

- Ведьма! – вновь послышался знакомый голос кого-то из местных. – Выходи, не то живём сожжём! Вместе с домом!

Совсем от злобы ополоумели.

Кто-то начал греметь в дверь, что-то требуя. Ах, скорее бы пришёл Елисей!

- Зоя!
 От сердца отлегло. Вернулся, значит! Сейчас он прогонит всех прочь от дому, и они поговорят.
 Поспешно зашумели засовы, Зоя торопилась впустить в дом своего любимого, единственно и безоговорочно которому доверяла. А он...
 Взгляд Елисея был хмурым, недобрый. Не бросился он к ней на помощь, а стоял посреди замершей толпы зевак, что пришли расправиться с ней, обвинив в страшном грехе. Изучал. Испытывал.
 - Елисей!
 Крик сам вырвался из груди, отчаяние так и сковало разум – позади уже стояли люди, отрезавшие путь к отступлению.
 - Любаша мне все рассказала. – хрипло сказал он понижив голосом. – Зачем, Зоя? Совсем разумом помутилась? Это надо додуматься – дитя моё извести...
 - Я спасла его, он тонул! – глядя в глаза ему, с обидой высказалась Зоя. – А Любаша напридумывала бог весть что!
 - Не ври мне! – рявкнул Елисей, теряя голову. – Убить, значит, мальчика решила? Раз своего родить не сумела...

И тут Зою как обухом по голове ударили.

Не верил... он Ей не верил...

Завертела тогда она головой, по сторонам заматалась, надеясь хоть одно разумное лицо узреть, да где там! Любаша долго к этому готовилась, кропотливо настраивая людей против неё. Вон и сама стоит, скалится, губы кривит. Чует, что расправа над соперницей близка как никогда. И не одна она, другие бабы тоже злорадствуют, ведь и их мужики на красавицу Зою то и дело поглядывали.

Поделом будет ведьме!

И тут её схватили. Кто за плечи, кто за руки, кто за косу, и поволокли.

- Елисей! – закричала она, отбиваясь.

Но тот лишь угрюмо смотрел из-под нахмуренного лба и ничем не пытался помочь ей.

- А чо делати-то? – начал вопрошать люд, когда «ведьма» была скручена по рукам и ногам. – Сжечь али что?

- Да камнями закидать!- вопили одни.

- Утопить! – верещали другие.

- Сжечь! Сжечь ведьму! – призывали третьи.

Но тут вновь нашлась Любаша.

- А закопаем её живьём, чтобы не повадно боле колдовать было!- громогласно выкрикнула она. – Земля-матушка всех примет, да грех её страшный схоронит!

От страшных речей заходило сердце, да Зоя до конца не верила, думала, лишь пугают. А когда притащили её на заброшенное кладбище, давно поросшее диким лесом, да могилу стали разрывать, вот тогда она всё и поняла.

- Звери! Будьте прокляты, звери, до конца дней своих! Нелюди! Закричала она.

А после запричитала, моля отпустить её, да куда там! Толпа - самый страшный палач, и её, беззащитную, связанную, затихнула в наспех сколоченный из необтёсанных досок гроб, и бросили в разрытую яму.

Благо, ударилась она головой при падении, Господь видать, смилостивился, не дав слышать, как земля ударялась о крышку гроба, сквозь щели попадая ей на лицо. Как плевки вместо комьев летели в могилу, провожая Зою в последний путь – не отпетую, да покамест живую...

Часть 3 (настоящее)

Тело ломало так, будто кости собирались связаться в узел. Или наоборот – распрямиться до безобразия. Да что с ним такое?!
 Он попытался размяться, но это только усилило неприятные ощущения, и, в конце концов, его скрутило одним единым спазмом и повалило на землю.
 Кажется, он потерял сознание.
 Или...
 ... Темнота перестала быть проблемой. Он бежал, бежал так быстро, как никогда до этого, ощущая незнакомые, едва различимые запахи и звуки. Звёзды неслись над его головой сплошными сверкающими полосами, разрывааемыми лишь макушками высоких деревьев, и думать ни о чём не хотелось. Хотелось бежать. И есть. И навсегда сохранить в себе это ощущение дикой, безумной свободы.
 На ум вновь

пришли слова песни, словно слышимой им в другой жизни.
 Ветер.
 Кровь.
 И... *серебро?*
 Тонкая сверкающая стрела пронеслась возле уха, едва не задев его. Животный страх обострил и без того острые инстинкты, и он, выдавив максимум силы, помчался ещё быстрее.
 Стрела вновь пронеслась мимо. Ещё одна. Но он оказался ловчее, проворнее, или ему просто повезло. Он не мог сейчас думать об этом, перевоплотившись в единственный инстинкт – выжить.
 В конце концов, стрелок, преследующий его, отстал. Он понял это по растаявшему в воздухе запаху домашней выпечки и резкой отдушки то ли лака, то ли дезодоранта. Странная смесь...
 От быстрого бега кожа его вспотела и страшно хотелось пить. Втянув носом свежую прохладу ночи, он учуял солоноватый запах застоявшейся воды. Значит, утолить жажду проблем не будет.
 Подбежав к болоту и раздвинув в стороны камыши, он пробрался к краю водоёма и взглянул в залитую светом огромной луны поверхность. Ветра не было, и небо отражалось, словно в зеркале, подсвечивая со всех сторон звериную, внимательно смотревшую на него морду самого настоящего волка!

Первым желанием было метнуться в сторону, убежать, наконец, проснуться. Но он сдержался, где-то в глубине своего человеческого сознания понимая, что это не сон. И волк, так внимательно смотревший на него из озера, был его собственным отражением...

Но на большие размышления времени просто не было. Жадно припав к воде, волк вдоволь нахлебался её, а после услышал едва различимый шум позади себя. И звук натягивающейся тетивы.

Волк замер, боясь оглянуться, а чересчур уверенный женский голос жёстко произнёс:

- Попался, Серый?

Кажется, это был конец...

Часть 1. Ведьмы и Оборотни. Глава 1

Тяжёлый чемодан на колёсиках ухнул на один бок почти вовремя – Дана стояла перед закрытой дверью бревенчатого деревянного домика, старого, но вполне добротного, в котором проводила все три месяца летних каникул каждое лето, лет до четырнадцати. В детстве всегда всё было проще: по окончании занятий в школе родители сажали её на поезд вместе со всеми необходимыми манатками, и отправляли к бабушке Прасковье, не особо заботясь мнением девочки. Ну а что, так всем было лучше – родители работали, а дочь всегда была под приглядом, на свежем воздухе и парном молоке. Отчего возвращаясь в родные пенаты, Даночка часто не влезала в свои любимые джинсы и обтягивающие платья.

Но к следующему лету это проходило, чтобы вновь начаться заново. Тогда она не особо переживала за лишний вес и прочие глупости. Здесь у девочки были свои друзья, мелководный пруд, лес, полный вкусной земляники и страшные байки, что так любили рассказывать у вечернего костра взрослые и подростки, так же обитающие летом в деревне. И она охотно их слушала, подобно другим детям, что помимо замёрзших в вечернем пруду тел, любили греть и свои маленькие уши. А потом перевирать страшилки, рассказывая их уже друг другу, на свой лад.

Особенно здесь ценились байки про оборотней, и дети очень любили в каждой встречной дворяжке видеть Зверя, чтобы с весёлым визгом убежать от неё, по ходу придумывая целую историю про большого и страшного волколака, преследовавшего их от самого Коламиноного леса. Было весело и интересно, и лето, как обычно, проносилось со скоростью света.

Всё изменилось, когда Дана подросла, и убивать время в глухой деревни под надзором бабушки стало просто не интересно. Старшая школа, городская компания подростков-ровесников, первая любовь сделали своё дело, и девушка уже не стремилась летом туда, где ей было так хорошо раньше. Теперь её интересы целиком и полностью были связаны с городской средой, и она наотрез отказалась ездить в свою деревню.

До этого самого лета, когда вновь всё перевернулось с ног на голову.

... О том, как она оказалась здесь, Дана вспомнить не могла, как не пыталась. В один прекрасный миг она просто вдруг решила, что ей необходимо ехать в деревню, навестить старенькую бабушку, сменить обстановку, хотя ничего такого страшного в её жизни не произошло. Она просто сбежала, оставив записку родителям о своём местонахождении, сев на знакомую электричку и оказавшись там, где когда-то было так хорошо. Но зачем – так даже для неё самой оказалось загадкой.

Словно неведомый зов просто приказал ехать сюда, в родные Сады.

По ту сторону двери раздались лязгающие звуки, и она открылась. Бабушка ахнула, выронив из рук край передника, которым вытирала перепачканные мукой ладони, и тут же расплакалась, бросаясь внучке навстречу.

- Данушка! Ты ли?!

Её объятия были такими искренними, что девушка и сама растрогалась, осознав, что на самом деле скучала.

- Я. – заверила она Прасковью, не торопясь отстраняться. – Твоя блудная внучка наконец-то вернулась.

- А я как чужая! – радостно воскликнула бабушка. – Вон, пирожков испекла. Проходи. Чего стоишь на пороге-то?!

- Да, чемодан сломался... - Дана скосила глаза на не выдержавшее деревенской трассы колёсико.

- Дык, не беда! – заверила бабуса, потянув внучку за руку. – Сейчас Григорича кликну, он починит...

Дана улыбнулась, переступая порог такого знакомого и выпавшего на несколько лет из её жизни дома. А у самой на душе кошки скребли, да ещё вертелось в голове, что неспроста она здесь оказалась, ой неспроста.

Но раз готового ответа никто не приготовил, оставалось только ждать.

Да, и наведаться к старому Григоричу, чтобы починил злосчастное колесо её чемодана. Но только после бабушкиных пирогов...

Стас стоял перед обшарпанной дверью из своего детства, принадлежащей сараю на заднем дворе, борясь со стойким желанием опорожнить содержимое своего желудка прямо на неё, но пока не решался.
 Какого чёрта он вчера так надрался, что сегодня не помнил почти ничего? Но ещё ладно – надрался, с кем не бывает. Выходной, и компания нашлась подходящая – Славка и Димка, сто лет не виделись. Но зачем нужно было тащиться в эту глухомань, посреди ночи, одному, пьяному и без рубля в кармане?!
 Вот это уже было загадкой, и для самого Стаса тоже. Дело в том, что раньше с ним такого не случалось. Ну не было и всё! Работа, учёба, пара выходных, чтобы выспаться и выпивка только по какому-нибудь торжественному случаю. А тут на тебе...
 Как там в книгах говорится? Попал так попал...

Ну, ничего, он с этим разберётся. Вот только сейчас тошнота пройдёт, можно будет в дом заходить. Вот дед обрадуется...
 - Стасик, ты что ли?! – похоже, старик раскрыл его прибытие раньше, зайдя с тыла. В руках он держал вилы, готовые применить в случае чего, окажись на месте внука кто-нибудь другой, деду не угодный. Хорошо хоть, не дробовик, и на том спасибо.
 - Здорово, дед! – Стас попытался придать жизнерадостности голосу, но получилось криво.

- С похмелья чёль? Ай-яй... - запричитал Максим, качая головой. – Ну, давай в дом, там давеча Маруниха молока парного принесла, вот им и поличишься.

- А рассола нет? ...

- Рассола нет. – развёл руками дед. – За зиму всё подъял, ничего не осталось. А на чём ты сутра пораньше прикатил?

Эх, Стасу самому было интересно. Он неопределённо пожал плечами – мол, не важно, и дед отстал с расспросами.

Молоко действительно помогло. Вот она, живительная сила природы! Это вам не пошло из пакета! И к обеду Стас вполне оправился, и стал чувствовать себя гораздо лучше. Дед ушёл по своим колхозным делам, и теперь можно было хорошенько подумать над случившимся.

Что? Что вообще произошло? Как получилось так, что он не помнил доброй половины этой ночи. Не, ну, в самом деле, не мог же он допить до такого?! Да и пили они с друзьями, кажется, только пиво... Что-то здесь совсем не чисто...

Позвонить бы кому из них, да мобильник, похоже, он посеял вместе с памятью. И угрозило же его наведаться именно сюда! В деревню его деда. А старик-то, кажется, не очень удивился...

Странность за странностью. Надо бы походить, поспрашивать, может, есть кто здесь городские с нормальной связью. Хотя на работу сообщить, где он и что с ним случилось. Административный там написать...

Дома-то никто не ждал. Мать колесила по свету, работа геолога такое подразумевала. А старший брат, Сашка, пропал пять лет назад, и с тех пор не было от него ни слуху, ни духу.

В груди тоскливо сжалось. Нет, он не смирился с этой потерей! Слишком близки они были с братом, можно сказать, не разлей вода. Сашка был ему вместо отца и лучше отца, такой честный, умный и правильный. Справедливый. И не мог он по плохой дорожке пойти или перейти её кому-то. Сашку любили все.

Вошедший в избу дед Максим поставил на пол ведро с водой.

- Ты как? Надолго? Или опять зад-назад?

- Я бы погостил, но работа...

Стас не кривил душой. Скажи ему вчера, езжай на пару недель в деревню – нос бы загнул. А очутившись тут, почувствовав, как в детстве, знакомые запахи, напившись молока, уезжать уже не хотелось.

- Эх, жаль. – крикнул дед. – Старый я стал, а ты бы подсобил, дров навозили бы, печку б подправили...

- А позвонить здесь есть откуда? – размышления вернули головную боль.

- Пройдись по соседям, может, внучков кому привезли. Или вон до Прасковьи дойди, у неё точно есть. А я в ваши игрушки не играю...

- Хорошо, дед. Только я подремлю маленько сперва... С пол часика.

- Только не разлёживайся! Ещё траву косить, да кроликам нарвать...

Стас улыбнулся: всё как в далёком детстве. Дед не отпустит его, пока не выполнит гору поручений. Гулять не отпустит. А ослушается – никаких вам ночных посиделок у пруда. Но сейчас он даже будет рад размяться, как-никак, работа в офисе – сплошной сидячий стресс. Но сначала – крепкий здоровый сон. Как в детстве...

Глава 2

... - а у Микитки двойня. И говорят жена опять на сносях. Молодец, парень! Не пьёт почти, работает в соседней Ломовке, семью содержит. А Женька спился. – бабуля издала смешной звук губами, похожий на спускающий воздух шарик. – Каюк Женьке. Али не помнишь его?

Если Данка кого и помнила, то весьма смутно. Но кивала на каждую фразу бабушки, наслаждаясь свежими пирогами с капустой и запивая всё дело прохладным молоком. Настоящим, не обезжиренным. Такого в городе не найти, разве что, за очень большие деньги. И то, если места знать.

- А Семён... Семён теперича председатель нашний. – продолжила бабушка, удовлетворённая молчаливым ответом внучки. – Важный стал, на всех сверху глядит, лишний раз «здрасьте» не скажет. Потеряли человека. А мож и не был он им, человеком-то...

- Баб, ты мне скажи, как Оксанка? Лерка? Приезжали, ну, после того как я... Или тоже не было?

Бабушка всхлипнула носом.

- Приезжали, а как же. Не так часто, как раньше, но своих не забывали. А после того случая...

- Какого случая? – насторожилась Дана. Вот с этого места она готова была выслушать поподробнее.

- Да ж, ты ничего не знаешь. Матери твоей я рассказывала, а она, видать, умолчала. Али ты забыла?

- Мама мне ничего не говорила. – вот оно. Что-то важное, Данка почувствовала нутром. И тут Прасковья стала перебирать, почему важная и интересная по её мнению информация, не дошла до внучки.

- Баб, да Расскажи уже! – умоляюще потребовала Данка.

- Ну, слушай. То-то ж я сразу подумала, чаво это ты тогда не прилетела. С Оксанкой-то вы ладно дружили. А ты и не знала, оказывается. Беда с твоей подружкой приключилась. Незнамо чаво точно, да только пошла она в лес по ягоды, да заблудилась, потерялась, значить. Всей деревней её искали – найти не могли, как в воду канула. Да леса то у нас вон какие, огромные, да только и она их знала как свои пять. Видать, значит, случилось что-то.

- А в город, в полицию не обращались? ... - настороженно замерла Дана, предчувствуя не слишком хороший финал истории.

- А как же, обращались! И оттудаво приезжали, да так её и не нашли. Как сквозь землю девка провалилась!

- Но нашли же потом?! – девушка не заметила, как кровь отхлынула от лица и ладоней. Стало холодно, очень холодно.

- Нашли. – завершила бабка. – Вернее, сама нашлась. Спустила неделю, когда и не ждали уже... Ребятишки на пруд побежали ранёхонько, то бишь на рассвете – не спалось им, а она не бережку сидит, грустная-грустная, одежда вся грязная, изодранная, сама еле живая. Они у нас, ребятишки-то, догадливые, бросились тот час в деревню, да старших привели. Расшевелить мы её пытались, да только она как камень, с места не сдвинешь. Всё про какую-то ведьму лепетала, плакала. Видать, рассудок-то утеряла совсем...

- Ведьму?

Бабушка махнула рукой – мол, брехня всё это, но Дану это только насторожило.

- Увезли её дохтура на скорой, опять из города вызывали. И с тех пор не была она здесь. Видать, совсем дела плохи...

Бабушка что-то запричитала, но Данка её уже не слушала. И тут её осенило.

- А Лерка?

- В этом году ещё не было. Но когда приезжает, заходит, про тебя спрашивает... Или мать и того не сказывала?

Дана покачала головой.

- Дела... - раздосадовано причмокнула Прасковья.

А уж как Данка была расстроена! Но, как говорить, сама виновата. Надо было ездить почаще, а не забывать давних друзей. И ведь это всё в век мобильных телефонов и интернета!

А мать... С чего бы ей было что-то скрывать? Глупость какая-то. Но разобраться в этом стоило. И, чуяла Данка, как можно скорее.

Данка и не заметила, как задремала, хоть мысли её и метались в смятении относительно рассказанных бабушкой событий. Но свежий воздух и внезапно навалившаяся усталость сделали своё дело и она, растянувшись на всё ещё «своей» кровати, быстро задремала. Разбудил её несмелый, но настойчивый стук в дверь. Бабушки не было, и пришлось поднимать себя и тащить к двери, проверять, кого там принесла нелёгкая. - Ватруша?! - Голос стоявшего за порогом парня... ммм... приятной наружности был знаком, а вот сам он... не особо. Средний рост, не совсем олимпийский атлет, но достаточно развит, тёмно-русые волосы, орехового цвета глаза. И нос такой, не то что бы курносый – лишь слегка вздёрнутый кверху. Но откуда он знает её детское прозвище? Стоп... Да это ж Стас! - Север?! – ответила она ему «взаимностью» - дразнилкой из детства. - Это ты? Молодые люди пилились друг на друга, не стесняясь, какое-то время не зная, что ещё сказать – так оба изменились в глазах друг друга. - И давно ты приехала? – первым отмер Стас, поражённо разглядывая злейшую «врагиню» своего детства. Только вот тогда она выглядела совсем по-другому. Вечно голодный хомяк, не влезающий в джинсы, в которых приехала, розовые откормленные щёки и по пирогу в каждой зажатой ладони. А теперь Данка заметно изменилась. Да, у неё имелись округлости, но лишь там, где им и положено было быть. Весьма симпатичные округлости... С щеками тоже был полный порядок, как и со всем остальным. Это как-то не совсем вязалось с обликом Ватруши, и Стас был весьма удивлён подобными переменами.

- Утром. – машинально ответила девушка, в свою очередь удивляясь переменам, постигшим тело Стасика-Севера. В детстве он не то, что был хлюпиком – скелетоном в чистом виде, с торчащими в разные стороны рёбрами а-ля дистрофия крайней степени. А теперь, как говорится, было за что пощупать. И перерос он её почти на голову. В детстве же казалось, не бывать этому – Север дотягивал ей едва до плеча. – А ты?

- Утром. – вторил ей парень. – А ты... надолго?

Раньше они таких светских бесед не вели. Крыли друг друга на чём свет стоит и обзывали последними словами, глядя в глаза и краснея от напряжения.

- Не знаю пока... А ты?

Стас, наконец, вспомнил, зачем он пришёл.

- Как раз вот пытаюсь выяснить. Телефон не одолжишь на работу позвонить? Я свой посеял в чистом поле... - он улыбнулся, и эта улыбка что-то кольнула в душе Данки.

Не замечала она раньше такой красивой улыбки на когда-то ненавистной физиономии Севера. Ну и дела...

Девушка выудила из сумочки свой розовый мобильник, увешанный разными пушистыми рюшечками, и протянула его Стасу. Мускулистый объект на заставке заставил Севера нахмуриться – парень её, что ли? Но сейчас нужно было думать не об этом.

С трудом вспомнив номер любимо-ненавистной конторы, парень набрал его, и почти сразу же получил ответ на том конце связи.

- Эдуард Семёнович, это я, Станислав Северский. Понимаете, я, как бы вам сказать...

Он вышел, заметив, что Данка открыто подслушивает его разговор, но ему было стыдно обсуждать свой промах при девушке, и продолжил уже на улице. Дана теперь слышала только его обрывки. После пяти минут ожиданий, Стас вернулся, протянув ей назад весьма нагретый мобильник. Вид Севера был взволнован.

- Всё в порядке? – вежливо поинтересовалась Дана.

- Да, только... Шеф сказал, что вчера я написал заявление на отпуск. А я этого не помню...

- Хм. – нахмурилась девушка. – Действительно, странно.

- ...зато теперь, я думаю, задержусь здесь на подольше.

И вновь улыбнулся. И вновь Дана ощутила что-то такое, отчего мурашки поползли по телу. Приятно, чёрт возьми! Но очень странно.

- Я пойду, деду обещал помочь в огороде. – попрощался Стас, как-то стеснительно зажимаясь.

- Ага. – столь же стеснительно кивнула Данка. – Ещё увидимся.

- До встречи, Ватруша!

- До встречи...Север.

Глава 3

Но не успел Стас покинуть скромное жилище бабки Прасковьи и поразмышлять над превратностями судьбы, как тут же на сельской вытоптанной дорожке прямо перед ним возникла знакомая физиономия. Вот кто не менялся с годами, так это Мишаня Царёв – местный сельский паренёк с узким веснушчатым лицом и щербатой улыбкой, худой и невзрачный, хотя по годам ему уже было положено подтянуться и выглядеть более солидно, но да ладно, не красна девица. Едва заприметив Стаса, он пошёл на перехват, улыбаясь во все... э, нет, не тридцать два! Он, в рот Мишки, конечно, не лазил, но подозревал, что зубов у него гораздо меньше, чем у всех остальных.

- Здарова, братуха! – душевно поприветствовал тот, придушив давнишнего приятеля в объятиях. – Давненько не виделись!

Лет пять точно. Стас напряг свой мозг, припоминая, сколько воды с того времени утекло, но так и не вспомнил. Миха продолжал что-то рассказывать, попутно выпрашивая, и Стас отвечал, охотно и легко, словно и не было этого временного разрыва в их общении – так ненапряжно и просто было им сейчас разговаривать.

- Ты так и живёшь здесь? – поинтересовался Стас.

- Ага. – простовато ухмыльнулся тот. – Всё-таки родной колхоз, и батя с мамкой тут. Сам понимаешь.

- Угу.

На самом деле Стас не понимал. Одно дело отдыхать здесь летом на свежем воздухе да парном молочке, другое – жить круглогодично без перспективы на будущее и более или менее приличной работы. Здесь же глухомань. Природа отличная, но на этом всё.

Однако Мишку обижать не хотелось. А потому он поддакивал да улыбался, а потом вдруг спросил:

- Ты знаешь? Ватруша приехала. Мы только что с ней разговаривали...

- Ватруша? Ещё не видел. Чего это вы оба подорвались? – смотрит, а у самого глаза заблестели каким-то неестественным блеском. Стас тряхнул головой, чтобы отогнать это – показалось ведь, солнце яркое, похмелье...

- Да вот так решил деда навестить. А она чего не знаю. Ну, так совпало. Скажи, а новости-то какие-нибудь есть? Давно я не был, интересно, как наши поживают.

Мишка присвистнул.

- Новостей обоз да маленькая тележка! Ты знаешь, что, Север, приходи вечером на костёр, там всё и расскажу.

- Костёр? Это как раньше что ли? На берегу Садовского пруда?

- Ага. – вновь залыбился Миха. – Тепло уже. Правда, комары жрут нещадно, а так поболтаем. И если есть чего, – он сделал глубокую паузу, явно намекая на горячительный напиток, не подозревая, что Стас из города даже без рубля в кармане приехал, – приноси.

- Идёт. – усмехнулся тот. – Приду.

- Да, и Ватрушу позвать надо. Ей, наверное, тоже интересно. Да и мне на неё посмотреть тоже...

Мишка плотоядно облизнулся. А Стаса от этого его жеста покорило. И он поймал себя на мысли, что что-то его в словах давнего товарища сильно напрягает. Ага, Ватруша. Посмотреть на неё. Сейчас...

- Зайду-ка я к ней, пожалуй...

- Я сам! – наверное, прозвучало резковато, но Стас не удержался.

- Вы же друг друга терпеть не могли? – усмехнулся Миха. – Или ты уже полюбил пышные формы? А, Стас?

- Не твоё дело. – дружелюбно, но предупредительно ответил тот. – Будешь болтать, по хлебалу получишь, понял, Царь?

Ну, точно, всё как в детстве становилось на свои места...

- Понял. – не обиделся тот. – Давай, до вечера. Не опаздывай.

После ухода Стаса, Данка прошла в комнату, совсем уж растерявшись. Надо же, в детстве она терпеть этого индивида не могла, но стоило ему сейчас появиться на пороге её дома, на тебе: и телефончик позвонить и хи-хи-хи, и ха-ха-ха. Скажи ей кто в детстве об этом, в глаз бы дала. Если бы догнала, конечно, с её-то тогдашним весом.
 Но хорош ведь, гад! Вымахал, возмужал, на человека стал похож и смотрел на неё сейчас так... так... ну, совсем не как в детстве! Мурахи от этого взгляда по коже, размером со слона. Неужели понравилась?!
 Да ну, с чего бы. И он ей как бы не очень. Если только чуть-чуть. Совсем каплю.
 Но из головы уходить не собирался.
 Дверь приоткрылась и на порог, пыхтя, забралось какое-то чудо в цветастой косынке и в лёгком летнем платье, босое, невысокое, лет шести. А из-под косынки торчали две толстые тёмные косички, доходящие до пояса девочки. Она не заметила тайком наблюдающую за ней девушку и начала шерудить стол, открывать ящики, что-то ища, а после, найдя вазочку с любимыми бабушкой карамельками, принялась быстро и задорно запихивать их себе в рот.

От такой наглости Дана дар речи потеряла и даже подобрать более или менее приличного ругательства не смогла.

- Это что ещё такое?! – воскликнула она, отчего девочка тонко ойкнула и уронила вазочку с конфетами на пол. Та, тяжело стукнувшись о деревянный добротный пол, разбилась вдребезги.

Нет, этот «цветок жизни» явно нарывался на порку! И хотя раньше Дана и пальцем детей не трогала, но тут был особый случай. И она, свирепея, двинулась на испуганно вытаращившую большие темные глаза девчонку.

Положение спасла бабушка, явившаяся следом за этой маленькой воровкой. Молча осмотрев место преступления, и быстро оценив ситуацию, она нахмурила седые брови.

- Данка, почто Сеньку пужаешь? Вон стоит, ни жива, ни мёртвая. Ишь, глазища вытаращила!

С этими словами она подошла к ребёнку, приобняв девочку за плечи.

- Она конфеты твои воровала! – возмутилась Данка, чувствуя, как что-то вроде ревности закипает в её душе.

- Я ей сама разрешила! Она мне по хозяйству помогает, пол метёт, и в огороде сорняки щиплет... Степановны это внучка, дочь непутёвая нагуляла и матери сбросила. А у той самой здоровья нет, в лёжку всё время, вот Сенька и шастает по деревне, кто что подаст, чем накормит... Охохо...

И вот тут Данке стало совестно.

Она виновато взглянула на всё ещё напуганную девочку, что бочком жалась к её бабке, и решила пойти на мировую.

- Жевачку будешь?

- Ага! – тут же обрадовалась та. – А чипсиков нет?

- Чипсиков нет. – в тон ей ответила Дана. – С них разносит сильно и изжога мучает, так что не советую...

Но Сенька не знала, что такое «разносит» и изжога, и потому была рада и «Диролу», заваливавшемуся в дамской сумочке девушки. Поэтому мировая прошла на ура, и дружно собрав с пола рассыпавшиеся конфеты и сметя осколки вазочки, дамы уселись за стол, ожидая, когда закипит чайник. И едва с пирожками и прочей снедью было покончено, в дверь раздался стук

кулака. И на пороге показался ещё один «герой» её детства – Мишка по прозвищу «Царь», самый близкий поделника Севера.

Глава 4

- Коси, давай, лодырь! – незлобно приветствовал Стаса дед Максим, сходу вручив ему это самое орудие труда – наточенную косу.

Стас, повертев её в руках и смутно вспомнив, как это делается, приступил к делу. Несмотря на то, что июнь только ещё начался, трава уже стояла добротная, высоченная и сочная – как раз на зиму запастись для дедовой скотины. Вскоре парню стало жарко, и он скинул с себя майку, с двойным усердием продолжив махать косой. Ему бы уже устать, но сила всё пребывала откуда-то, и ему не хотелось останавливаться, и он работал всё усерднее, понимая, что сознание его при этом уплывает куда-то в заоблачные дали. Кроме того, в голове засверкал маячок непонятно откуда взявшейся агрессии – Стас разозлился, но источник этой злости определить так и не смог. Однако она всё возрастала, грозя перерасти в ярость, а оттого коса уже со всей силы взлетала в воздух, разбрасывая скошенную траву направо и налево.

- Стас! Чаво чудишь? – грозный голос деда подействовал на него как холодный душ.

И правда, чего разошёлся?

Парень остановился, взглядом оценив площадь своих деяний: огромный луг позади усадьбы деда Максима был ровно скошен, будто побрит, но ближе к его ногам трава становилась неровной, словно рваной, клочками торчали пучки осоки и соцветия клевера. Внушительный масштаб проделанной работы за столь короткое время...

- Ты, это, не наркоман случаем? – подозрительно нахмурился Максим, буравя Стаса взглядом. – Эко ж попёрло, вон скоко накопил!

- Ну что ты, дед! – парень и сам себе удивлялся – одна странность за другой. - Я просто во вкус вошёл, давно не разминался. Офис, работа сидячая, вот и соскучился по родным просторам.

- Смотри у меня! – пригрозил старик. – Я-то быстро дурь из тебя выбью, только попадись! Не посмотрю, что большой стал, вон, какой бугаёнок! Но против лома, как говорится...

- Ладно-ладно. – остановил его грозившую затянуться угрожающую речь Стас. – Понял я всё. Пойду отдохну с часок. Ребята на пруд вечером позвали, хочу сходить. Да, дед, поживу я у тебя недельку, а то и две. Отпуск дали, так что и печку подправим, и чего там ещё надо, сделаем...

- Вот это дело. – довольно усмехнулся Максим. – Отдохни, внучок. До вечера долго, ещё много дел сделать успеем...

Стас кисло улыбнулся. А ведь он совсем не устал. Странно и интересно, будто и правда, наркоты нажрался, но ведь ни-ни. Никогда. Даже не пробовал и не собирался.

Но что тогда?

А по лицу Мишки расплывались улыбка и удивление.

- Вот это да! Кого я вижу! – деланно воскликнул он, в то же время, пожирая Дану взглядом, откровенно разглядывая.

- Чего пожаловал, Царь? – усмехнулась девушка. Вот с этим она точно церемониться не была намерена – Шер-хан, то есть, Север ушёл – Табаки явился.

- Да вот птичка на хвосте принесла, что ты в деревню приехала...

- С севера, небось, птичка-то? – не прекращала ухмыляться Данка.

- Ага, с него. – Мишка делал вид, что не замечает подколок. – Дайка-ка, думаю, зайду, сам проверю...

- Ну и как?

- Расцвела, похорошела... слов нет! – некрасивое лицо Царя растянулось в кривой усмешке. – И парень небось есть? ...

Дана резко обернулась на гревших уши бабушку и Сеньку, и Мишка только сейчас обратил внимание, что они тут не одни.

- Здравствуй, баба Паша. – просто поздоровался он. – Сенька, привет!

- Ну, здраси, Михаил. – ответила Прасковья, в то время, как Сеня и внимания на него не обратила, с интересом разглядывая чайники на дне чашки – видать, они были интереснее, чем вошедшая персона. – Ты чаво на пороге стоишь, или проходи, или из избы идите, на улице благодать...

- Да не, я это... Данку пришёл гулять позвать, вечером, на пруд. Костёр там, все дела. Не буду мешать, пойду.

- Угу. – отозвалась девушка.

- Ну, так... придёшь? – с надеждой спросил он, заглянув Данке в самую душу, а глаза его при этом неестественно сверкнули каким-то мистическим блеском... Да нет, показалось...

- Приду. – почти на автомате ответила она, забыв подумать.

- Тогда – до вечера. Не прощаюсь...

Не успела за Мишкой закрыться дверь, как бабушка начала ворчать.

- Не успела появиться, жонихи одолели, повадились! Ох, молодёжь, в подоле не принеси! А то будет ещё вот одна такая бегать, - бабуля выразительно кивнула на уплетающую за обе щеки сладости Сеньку, - срам-то какой!

- Не будет! – заверила её Дана. – Это ж Мишка-Царь, с ним – ни-ни!

- Стас лучше! – с набитым ртом подвела итог Сенька, которой, в общем-то, знать о визите Севера даже не полагалось...

И тут Дана многозначительно уставилась на неё, а бабушка, столь же многозначительно, на внучку...

- Что? – хватая очередную конфету, невозмутимо продолжила девочка. – Что я сделаю, если Стас – лучше...

Глава 5

Бабушка что-то ещё недовольно бурчала насчёт непутёвой молодёжи и современных нравов, а после, зевнув, вдруг опомнилась. - Ой, я ж Григоричу сказала, что чемодан твой сейчас привезу, на ремонт! Она суетливо засобиралась, а Дана, неожиданно вспомнив, что Григорич – это дед Стаса, скоропалительно даже для себя выдала: - А давай я сама отвезу?! Дана боялась признаться даже себе, но ей вновь захотелось увидеться с Севером, хоть и расстались они совсем недавно. А тут повод появился, и не воспользоваться им было бы глупо. Бабушка подозрительно скосила глаза на неё. - А сходи. И Сеньку с собой возьми, всё под присмотром. Кто в данном случае был под присмотром, Прасковья уточнять не стала. Девочка тут же поднялась с табурета и подошла к освобождавшей свой чемодан Данке. Ну да ладно, она не помешает. На улице стало совсем жарко, но девушке нравилась жара. Холод она ненавидела всей душой, и никогда не возражала против плюс тридцати на термометре. Благо, одета она была легко, и неудобств не испытывала. - Эй, малявка, ты зачем меня перед бабкой палишь? – по дороге до дома Севера Дана решила поставить все дочки над «и». - Чего? – не поняла рядом шагавшая Сенька. - Ну, зачем бабушке сказала, что Стас приходил? Промолчать не могла? - Я не говорила, ты сама. – серьёзно признала девочка. – Я лишь сказала, что он лучше Мишки. Но ведь лучше? - Лучше. – тяжело выдохнула Данка. – Гораздо. - Уже влюбилась? ...

Лицо девочки была настолько серьёзным, что Дана едва не приснула со смеху. - Нет, конечно! Знала бы ты, как мы в детстве друг друга колошматили! Просто враги номер один были! Дана мысленно вернулась к тому «прекрасному» времени, и не смогла сдержать улыбку. А что, собственно, изменилось? Кроме того, что они оба выросли и стали выглядеть совсем иначе. Дурной характер, наверняка, никуда не делся, и Дана сейчас говорила не только о Стасе, но и о себе тоже. «Вот и проверим» - шевельнулась мысль в мозгу. Наконец, они добрались до дома Григорича, в конце концов, не так уж он далеко располагался. В Садах всего одна улица, правда, весьма длинная, и вот между избушкой Прасковьи и деда Максима было примерно тридцать домов. Объект своих мыслей Дана заметила издали. Он стоял в одних джинсах на самодельной деревянной лестнице и приколачивал расшатавшуюся обличку над крыльцом дома, весь такой прокаченный и покрытый потом – ну просто модель из глянцевого журнала. Дана закусила губу, рассматривая его, внутри что-то неприятно шевельнулось... или даже очень приятно.

В тот же момент Стас заметил подошедших к крыльцу девушку и девочку, неловко повернув голову. Его улыбка получилась кривой – в зубах он держал пару гвоздей, которые он тут же переложил в руку, и начал спускаться с лестницы.

- Соскучилась? – утираясь от пота стареньким полотенцем, хохотнул он.

- Ага. – в тон ему ответила Дана. – По деду твоему. Вот, работу ему привезла...

- Дай посмотрю. – Стас деловито перевернул чемодан, рассматривая полочку, а сам meantime кивнул на Сеньку. – Подружка твоя? Как звать-то?

- Есения. – пафосно представилась девочка, поджав губы.

- Красиво имя. – похвалил парень, продолжая знакомство. – Как подрастёшь, замуж за меня пойдёшь, Есения?

- Нет. – без тени улыбки отрезала девочка. Ты слишком старый. К тому же, Дана мне сказала, что ты ей нравишься. А я у своих подруг парней не увожу.

- Сенька! – щёки девушки вспыхнули и стали красными как помидор – она готова была прибить маленькую стукачку.

Стас же довольно заулыбался, скосив взгляд на бушующую Данку.

- Сама сказала? – заговорщицки подмигнул он девчужке. Но та на этот раз осторожно взглянула на девушку и разумно промолчала. – Ладно, беги в дом, там конфеты на столе...

Сеньку уговаривать не пришлось, она живенько юркнула в настежь открытую дверь сеней в поисках сладкого счастья.

Север же, отставив чемодан в сторону, подошёл ближе, так, что Данка боялась пошевелиться - всё же дыхание перехватывало от его близкого присутствия, и тихо прошептал прямо ей на ухо:

- Ты мне тоже нравишься, Ватруша...

И с этими словами вернулся к ремонту никому сейчас, в общем-то, ненужного чемодана.

Но без деда Максима обойтись было нельзя. Стасу хоть и не терпелось выпендриться перед девушкой, но ремонтник он был так себе, и это выяснилось почти сразу. Зато поиграл мускулами и позаигрывал с когда-то ненавистной ему девчонкой. А теперь...

Он и сам себя с трудом «догонял». Его реакция на эту весьма видоизменившуюся девчонку из его детства выходила из-под контроля, Стаса тянуло к ней совсем не по-детски, тело реагировало моментально, и это слегка пугало, ведь у Севера в принципе не было проблем с противоположным полом, и списать что-то на длительное воздержание не получалось.

Но тут на тебе – один взгляд на Ватрушу, которая, кстати, плюшкой уже совсем не была, и его как подменили.

Да, Данка Ватрушева изменилась весьма разительно, стала стройной, привлекательной, да что там говорить – настоящей красивой девушкой! И даже их глупое детское прошлое нисколько сейчас не умаляло её привлекательности в глазах парня. Проще говоря, Стасу захотелось познакомиться поближе.

И вот, пока дед возился с поломанным колёсиком чемодана, а Сенька обжиралась конфетами, молодые люди вольготно расположились у самодельного деревянного забора, находя в обществе друг друга настоящее удовольствие.

- Пойдёшь вечером на пруд? Говорят, костёр будет...

- Пойду. – улыбнулась Данка, как дура млея от одного только звука голоса своего бывшего врага. – Меня Мишка позвал...

- Царь? Ах, он... - Стас ругнулся нехорошо, стиснув зубы. Уже знакомая по недавним событиям плохо сдерживаемая ярость вновь попыталась прорваться наружу. – Вот урод!

- Север, ты чего? – кажется, Данку это слегка удивило. – Ну позвал и позвал, что такого?

И правда, чего, дурак, завёлся? Ярость потихоньку утихала в душе, уступая место разуму.

- Ладно. С ним я потом поговорю. – недобро усмехнулся Стас. - Вот там, на пруду и поговорю...

Девушка улыбнулась, вспоминая, как Мишке доставалось в детстве от тогда ещё тощенького, но весьма уверенного в себе пацанёнка. Север никогда не был жалостливым сердобольным самаритянином, и если уж бил кого, то только за дело. На девчонок это не распространялось, он терпел их до последнего, и дальше словесной перепалки дело не шло. Даже с ней. А вот мальчишки часто отхватывали, ощущая на себе тяжесть тогда ещё тщедушной руки Севера.

Глядя же сейчас на его мощные сильные руки, Дана могла лишь посочувствовать Мишке, хотя искренне не понимала, что его так задело. Возможно, у парней была своя тайна, в которую девушку посвящать никто не собирался.

Глава 6

Возвращаться домой совсем не хотелось, но чемодан был починен, а у Сеньки от всех съеденных конфет разболелся живот. Да и Стасу нужно ещё было повозиться, разбираясь с накопившимися хозяйственными делами, которые деду Максиму в силу возраста уже было тяжело выполнять.

Но впереди был вечер и, возможно, ночь у Садовского пруда, а потому Данка не сильно расстраивалась, что со Стасом они провели сейчас не так уж и много времени.

Бабушка дожидалась их на заваulinке, довольно поглядывая на возвратившихся девчонков, она расплылась в улыбке.
 - Починил? – спросила она, кивнув в сторону чемодана, что резво подскакивал на неровном деревенском грунте.
 - Ага. – ответила Дана, блуждая где-то в облаках, а точнее, в мыслях о Стасе. - Только забыла спросить, что я ему за это должна...
 - Свои люди, сочтёмся. – махнула рукой бабуля.
 И тут их взгляд привлёк шикарный красный автомобиль, что ехал по сельской необустроенной дороге, скачками и с грохотом, характерным для таких вот «трасс».

Видимо, не выдержав такой тряски, машина остановилась. И из неё вначале показалась белокурая голова, а после и тело сногсшибательной красоты, «натюнингованной» донельзя. Она была просто нереальна: стройное идеальное тело, высокая грудь, профессионально приоткрытая глубоким декольте, длинные ноги в дорогих облегающих легинсах, пухлые губы, наращённые ресницы и хорошо оформленные брови, маникюр из салона, что бросался в глаза даже издали. И при всём при этом еще и шикарная шевелюра – осветлённые упругие локоны так и подпрыгивали в такт ходьбе заезжей цацы.

Кукольное лицо девушки было словно вылитым из фарфора, настолько гладкой и ухоженной казалась её кожа. Остренький точёный носик был задран кверху, и что-то хищное сквозило сквозь привлекательные черты этой красоты.

Достав из кармана мобильник, она начала звонить кому-то, отвернувшись от наблюдавших за ней людей.

- Явилась – не запылилась... - проворчала бабушка, недовольно поджав губы. – Стерва белобрысая!

- А кто это? – пытаясь побороть порождённую завистью к внешнему виду приехавшей девушки, поинтересовалась Дана.

- Да Катька, Павловых внучка, та ещё звездища. Ишь, вырядилась, того гляди из порток выскочит! Ты глянь, вон как встала, вся из себя! Небось Мишке звонит, чтоб помог машину вытянуть, канавка там на дороге, выбоина...

- Так не было же у них никого, у Павловых? Один сын только, да и тот пропал... - нахмурилась девушка, вновь чувствуя подвох.

- Не было. – продолжила Прасковья. – А вон вишь, сыскалась, как наследство получать, внучка. Видать в мать вся – Гошка то у них простой был, хоть и дуралей, раз на стороне завёл... Охохо, не жилось-то ему на белом свете спокойно... Нет бы жанился как все нормальные люди! Дык нет, всё тайнами, всё шиворот навыворот...

Дана смотрела исподлобья на белокурую красотку, и понимала, что она ей явно не нравится. Вот просто внутреннее чутьё подсказывало – держись от неё подальше! Но взгляд как замороженный всё тянулся в ту сторону, где стояла эта девушка, нетерпеливо кого-то ожидая. В какой-то момент она повернула голову, и их взгляды встретились, задержались на одно мгновение друг на друге. Что-то вроде узнавания мелькнуло во взгляде белокурой Кати, нехорошего, едкого, но Дана, не выдержав, поспешила отвернуться.

И ещё долго чувствовала на себе этот колючий цепкий взгляд.

А после... Бабушка оказалась права. На подмогу прибежал запыхавшийся Мишка, сейчас, находясь в обществе этой красотки, он и взглядом не одарил Данку, вероятно, выслуживаясь перед белобрысой бестией, которая тут же начала ему давать какие-то ценные указания насчёт своего автомобиля.

А сама, прихватив сумочку, зашагала прочь, в сторону теперь уже своего дома, находящегося неподалёку. А Дане так не хотелось с ней больше встречаться, но где-то в глубине души она понимала: это их далеко не последняя встреча.

Вечерняя прохлада после дневной жары пахнула в лицо приятными запахами разнотравья и тёплой, остывающей земли. В терпком воздухе слышались и ароматы смородины, мяты и мелисы, тронутых ветерком, и было так хорошо и привольно в этой забытой богом глуши, как никогда прежде в городе. Пыль и раскалённый асфальт, крики пьяных подростков, бесконечная переключка автомобильных гудков, казалось, въелись в сознание, и, не слыша, не ощущая их сейчас, было так странно и легко, вольготно. Сразу за небольшой усадьбой бабушки Прасковьи начиналось поле, и над его чёрной поверхностью, словно не отрываясь от земли, поднималось огромное звёздное небо, мерцающее наперебой пытающимися затмить друг друга крохотными ночными светилами. Простор и тишина, разве увидишь в городе такое удивительное зрелище? Там всё другое. И звёзды, и воздух, и запахи, и звуки.

А здесь просто хотелось дышать. Жить. Наслаждаться природой и не думать, что тебе нужно вставать завтра, чтобы успеть на работу или учёбу. Насколько Данка себя помнила, в деревне она сама всегда просыпалась с рассветом. И даже не смотря на то, что по полночи они с другими ребятами и взрослыми сидели у костра, вставать было легко. Не то, что в городе...

От приятных нахлынувших воспоминаний она и не заметила, как кто-то осторожно подошёл к ней сзади. А потому вздрогнула, услышав хриловатый голос Стаса.

- Готова идти? Данка аж на месте подскочила от неожиданности, а Стаса это, похоже, развеселило. - Север! – воскликнула девушка, рассмеявшись. – Я чуть богу душу не отдала! Зачем так пугать?! - Прости, я не нарочно. – заверил он. – Просто решил зайти за тобой, чтобы вместе пойти на пруд, если ты еще не передумала... - Я как раз туда собиралась идти, пока не зависла тут... Стас проследил за направлением её взгляда, и они замолчали на какое-то время, теперь уже вдвоём любуясь раскинувшейся перед ними красотой. А после, не сговариваясь, вместе побрели к пруду. *** Огромные берёзы низко склонялись к воде, касаясь длинными густыми ветвями гладкой, в темноте казавшейся чёрной, поверхности пруда. Слышались характерные для водоёма звуки, кваканье лягушек, шелест прибрежных камышей. Деревенская романтика, одним словом. Разговаривать не хотелось, хотелось помолчать, проникнувшись этой атмосферой и насладиться погружением в самое лоно природы. И всё ничего, если бы не надоедливые комары, обрадовавшиеся свежей крови и с азартом нападавшие на ещё не успевших привыкнуть к их надоедливому присутствию городских жителей. Первые проблески костра были хорошо видны издали сквозь редкие, порой, переплетающиеся между собой стволы деревьев. Молодые люди заворожённо шли на него, и вскоре достигли своей цели. У костра, мерно потрескивавшего в темноте и периодически пускающего в воздух фонтаны искр, собралось несколько человек. Кто-то брел на гитаре, другие разговаривали вполголоса. На берегу, у самой кромки Садовского пруда, расположилась влюблённая парочка. Эти двое никому не мешали, и им никто не мешал, и тесные объятия и периодические поцелуи никого не смущали. Тихая, размеренная жизнь деревенской молодёжи – даже той, что приезжала в Сады лишь на дачу, проводя свою основную жизнь в городе. Заметив вновь прибывших, все как-то разом оживились, и Мишка первым поднялся навстречу «особо приглашённому». - О, какие люди! – заголосил он, расставляя руки широко в стороны, словно готовясь заключить обоих в объятия. Он был уже изрядно навеселе, и от него разлило так, что комары дохли прямо в полёте. - Север! Ватруха! – про-

должал разглагольствовать Царь. – Я уж думал, мы вас не дождёмся... Задержались, да? Дела? Понимаю...
От его пошлых намёков Дане стало тошно. А Стас, не теряя контроля, чуть выступив вперёд, нависнув над тщедушным Мишкой каменной скалой.
- Царь, слышь, ты говори, да не заговаривайся! Иначе язык вырву и рыбкам скормлю, а завтра на рыбалку, на прикормленное место сутра рвану...
- Да я шучу, чего ты! – пьяно рассмеялся Мишка, и тут же перевел тему, обращаясь к остальным. – Ребят, вы их узнаете?!

Глава 7

К ним уже подтягивался народ. Узнавали, конечно. Правда, с трудом. Как и они – остальных. Всё-таки время загадочная штука. Ну, сколько они не виделись? Лет пять-шесть-семь? А как все поменялись, выросли, возмужали. Вот взять, к примеру, Ромыча. Ну кто сейчас в этом бомжеватом молодом человеке, забывшим о бритве и пене для бритья месяца на три, узнает того безусого пацана, что так любил таскать яблоки из соседских огородов? Правда, он поступал совсем по-робингудски, принося «улов» в общий котёл, и его даже хвалили за это. Что поделаться, кушать молодым всегда хочется. А Сидр! Сидр... Они, признаться, даже имени его настоящего не знали. Все всегда называли его только так – Сидр, и никак иначе. Вон как в плечах раздался, пузо отрастил. И в каждом узнаваемом лице они с удивлением обнаруживали произошедшие изменения, которые при свете дня, должно быть, будут заметны ещё явственнее. Но были здесь и те, кто не был знаком ни Стасу, ни Данке. Приезжие? Может быть. Нет ничего удивительного в том, что во время их отсутствия летней дачей обзавелись совершенно новые люди.

Мишка на правах самого местного, представлял всех по очереди – тех, с кем они не были ещё знакомы. Ребята пытались изо всех сил изобразить дружелюбие и непринуждённость, но всё равно держались как-то напряжённо, недоверчиво поглядывая на только что пришедших, и это ощущалось всеми фибрами души. А потому Север на интуиции сцапал за запястье Дану, и потащил поближе к костру. Здесь надёжнее. И комары так не жрут.

А Мишка тут же увязался следом, усаживаясь на трухлявое бревно возле костра. В руке у него была зажата полупустая бутылка с мутной подозрительной жидкостью, которую он тут же благородно протянул Стасу, не сдержавшему брезгливости на лице.

- Убери своё пойло, Царь! Меня от одного запаха сейчас вывернет...

Да, утренние воспоминания ещё терзали душу Севера, и что попало, и с кем попало, он пить был не намерен.

- Как хочешь. – усмехнулся Михан. – А ты, Ватруша, как?

- Как всегда. – равнодушно ответила Дана. – Я не пью.

- Завидная солидарность! – протянул Мишка. – И давно вы так... сдружились?

А он начинал раздражать. Данка перевела взгляд на Стаса, тот в упор смотрел на Царя и медленно закипал. Надо было спасать положение...

- Миш, расскажи лучше, что произошло с Оксанкой...

- С какой ещё Оксанкой? ...

А вот тут Дана почувствовала, что он врёт. Понял, сразу же. Нравилась она ему раньше, да соплив был для женихов. Не мог не понять. Но для чего врал – вопрос...

- А то ты не знаешь, Царь! – теперь закипать начала и она. – За кем ты раньше бегал, колечко у мамки спёр, да к кому сватался?

Мишаня заулыбался как-то скорбно, очень грустно.

- Откуда мне знать, что с ней стало... Не общаемся мы.

- Но ты же знаешь про тот случай... - попыталась надавить девушка, и тут он вспылил.

- Да кто про него не знает?! Вот разве что вы, городские, что сюда и носа не показывали много лет.

- А что с ней? – насторожился Стас, переключаясь с гнева на вполне здоровый интерес. Любопытство – великая сила...

- Да пропадала она пару лет назад. Здесь, в лесу заблудилась. А после нашлась. Но, видать, страху-то натерпелась, вот крыша и съехала.

Стас с Даной переглянулись.

- Бабушка то же самое рассказывала. – шёпотом пояснила она. – Но странно это всё как-то... Я не верю. Оксана лес как свои пять пальцев знала, не могла она заблудиться!

- Так это, она ж не просто так заблудилась. – деловито продолжил Мишка. – С парнем одним из деревни «погулять» пошла. И что-то между ними произошло. Поругались они. Он её в лесу и оставил. А она, наревевшись до темноты, поздно опомнилась. Говорят, ни спичек, ни фонарика с собой не взяла, а забрела далеко. В темноте лес всегда чужой, если ты не зверь. А тем более *наш* лес. Он слабаков не прощает.

- Врёшь! – всё же не выдержала Данка.

Руки её сами потянулись к Мишке, желая, как в детстве, свалить его с бревна, но вместо того они уткнулись в его плечо, показавшееся в тот момент каменным. Такое не свернёшь. И глаза Даны испуганно взметнулись к лицу парня, что сейчас совсем не выглядел пьяным, но, скорее, с любопытством изучали её реакцию.

Но напугало девушку вовсе не это. Что-то зашипело в мозгу, словно кипятком плеснули на каменку, забурило, будто прорываясь в её мысли. Она ахнула и вцепилась в Мишку ещё крепче, а в голову её хлынули яркие образы непроглядного ночного леса, яркие огни далёких звёзд, безразлично смотревших на неё с чёрного небосвода. И нечто ещё более тёмное, пугающее, что ждало её посреди этого кошмара, и уже тянуло к ней свои длинные нечеловеческие руки, похожие на огромные загнувшиеся крылья какой-нибудь хищной птицы. И это что-то стремительно приближалось.

Дана захрипела, поняв, что от ужаса кричать просто не может. Но ведь это всё неправда?! Скажите, что нет...

Липкий холодный страх расползлся от самого сердца и пульсировал по всем внутренностям, не давая прийти в себя или хотя бы сдвинуться с места. Время словно остановилось, и все другие звуки исчезли, только собственное прерывистое дыхание и загробный голос этого существа:

«- подойди ко мне, подойди ближе...»

И она пошла. Нет, не понеслась прочь, как того требовал разум, а подалась навстречу этой нечисти.

Сердце пропустило пару ударов, а ком страха встал в горле непроходимым спазмом. Так не бывает. Этого не может быть. Это сон. Глупый кошмар. Ужас... Куда все делись? Где Стас? Где Мишка? ...

Но она всё приближалась к тёмному силуэту, и вот, даже в темноте, Дана смогла различить женское лицо в чёрном мареве то ли слизи, то ли сгустков чего-то не более приятного. Кожа, если это была она, вздулась и местами обвисла содранными лоскутами, за которыми виднелись высохшие, побуревшие от времени, мышцы. В глубоких глазницах, не отрывая своего взгляда, на Дану смотрели два белёсых глаза, давно не живые, а смрад от всей этой сущности исходил такой, что начинало тошнить.

Содрогаясь от страха и отвращения, девушка попыталась противостоять зову, что настойчиво сближал их с этим чудовищем. Вся её сущность воспротивилась этому, Дана затрясла головой, стараясь выпутаться из невидимых пут, что прочно держали её тело, но не разум, и ей почти это удалось...

- Не сопротивляйся! – засипело чудовище. – Ты в моей власти! Твоя душа принадлежит мне!

И потянула руки-крылья к вновь ослабевшей девушке...

...И тут Данка словно очнулась. Реальные звуки и запахи, картинки этого мира вернулись на круги своя, Стас удерживал её за плечи, не давая... упасть? Опять наброситься на Мишку? Что?!

- Данка, ты в порядке? – голос Севера был насторожен – видать, и впрямь волновался.

- Да, а что случилось? – Дана завертела головой – все смотрели только на неё.

Ну, началось...

- Это я у тебя хотел спросить... Ты пошатнулась, как будто в обморок собралась падать...

- Вот ещё! – девушка чуть обиженно задрала нос. – Голова закружилась, бывает такое, когда злюсь.

Следующий её взгляд полетел в ту сторону, где, кажется, секунду назад сидел Мишка. Но сейчас его там не было, лишь трухлявое бревно и оставленная рядом мутная бутылка..

- А где «герой сказаний»? ...

-Отлить пошёл. – усмехнулся Стас. – Спрошу я у деда про Оксанку, может, чего нового скажет.

Дана кивнула. Только что привидевшийся ей кошмар всё ещё ярко стоял перед глазами, и девушка даже предположить не могла, что послужило поводом для этого. Но не рассказывать же всем, что с ней такое приключилось. Ещё подумают, что у неё с головой неполадки, или в наркоманы запишут. Поэтому Дана попыталась быстренько выкинуть этот неприятный инцидент из головы, и, наконец, насладится прекрасным летним вечером. Стас всё ещё был рядом – надо же, каким заботливым стал! Но Данке это льстило, и она не хотела, чтобы он отсаживался подальше. А меж тем народ собирался вокруг костра – видимо, и впрямь пришло время страшных историй.

Вернулся Мишка, чуть пошатываясь и искоса взглянув на девушку, уселся на своё прежнее место.

- Утомилась? – беззлобно усмехнулся он, глянув на Данку.

Та ответила лишь непримиримым взглядом, а Стас вдруг вновь вступился за неё.

- Так, Царь, ты что-то хотел нам поведать. Самое время начинать...

- Да. – деловито начал Мишаня. - Это случилось лет десять тому назад... Или двадцать. А может все сто. Слышали историю про Чёрного ходока?

В повисшей тишине – пусть все знали, что это очередная байка, но жутко было до плохого, Мишка вновь обратил свой взор на Дану, и проговорил следующую фразу, глядя ей прямо в глаза.

- Так вот. Это случилось здесь, в Садах. И, говорят, он до сих пор не упокоен должным образом.

Глава 8

Ведьмы. Колдуны. Знахари. Оборотни. Все они были неизменными персонажами баек в ночном лесу, у пруда, пока горел костер, и тлели угли, которые завораживали одним только своим мерцанием, красным пением насыщенной огнём плоти. Под звёздным полотнищем неба, отдававшим своё отражение тёмной воде, под шелест деревьев, треск поленьев, тихий шёпот спокойного пруда, в хорошей компании единомышленников, любая история оживала и казалась истиной.

Так было в детстве и так будет всегда. Дана верила в это, а потому холодок побежал по коже, когда Мишка не свойственным ему серьёзным голосом начал вещать свою страшную легенду.

«Однажды, в чёрном-чёрном лесу, на чёрной-чёрной поляне, под чёрным-чёрным вязом...»

Стас и Дана переглянулись, заулыбавшись. Откуда-то из кустов вылезли два пацанёнка лет восьми-девяти, такие истории, должно быть, их привлекали, а вот повзрослевшие дети уже это слышали и не раз. Но те, новые, с кем ребята познакомились только сегодня, тоже внимательно вслушивались в речь Михаила, поэтому не стоило им мешать.

- Пойдём, прогуляемся? – шепнул Стас так, что было слышно лишь одной Данке, и та, недолго раздумывая, кивнула.

Они шли вначале по берегу, заросшему ивняком, берёз здесь становилось всё меньше. Сухая трава спутывала ноги, вновь запели вездесущие комары, а от воды начал подниматься белый туман – Дане не раз доводилось видеть такое, да и Стасу тоже. Вдали от костра сразу стало прохладно и даже зябко, от воды начало тянуть тиной.

- Айда в лес? – заговорщицки подмигнул Стас и в темноте сверкнули его белые ровные зубы.

- Ага, убить и там же прикопать меня хочешь, Север? – не сдержалась Данка, усмехнувшись.

- Да нет, раньше бы, наверное, хотел. А сейчас...

- Что – сейчас? – подначила Дана, хитро улыбаясь.

- Сейчас я знаю кое-что поинтереснее, чем можно заняться с девчонкой в лесу...

- Стас! – засмеялась смущённо Данка.

- Да не бойся ты, я не из этих, кто в первый день и без согласия! – продолжал потешаться Северский. – А в случае чего, ты много приёмов знаешь! Помнишь, как в детстве меня колошматил?

- Помню. Мало тебе было. – настроение девушки всё улучшалось, а страшный привидевшийся кошмар уходил на задний план. - А если не ты, а я тебя?

- Ну, поплачу, к психологу схожу. – хохотнул Стас. – А потом, возможно, попрошу добавки.

Так, болтая всякую ерунду и вспоминая своё «боевое» детство, они и не заметили, как впрямь ушли в лес. Здесь уже не были слышны голоса веселящейся у костра молодёжи, и они остались вдвоём.

Вернее, они так думали...

Где-то совсем рядом хрустнула ветка. Хотя разве это редкость – хруст веток в лесу? Но Дана сразу же вся напряглась, а Стас завертел головой в поисках источника звука.

А их уже окружали со всех сторон – в темноте можно было подумать, что собаки. Но нет, горящие зелёным фосфором глаза, хищный оскал, вздыбившаяся на загривке шерсть. Волки, готовившиеся к нападению...

Стас на автомате сграбастал Данку, пытаясь запихнуть её себе за спину. Да куда там! Свора подбиралась всё ближе, со всех сторон. Север насчитал пятерых хищников. Не было шансов, ну вот просто ни единого. И всё же он должен будет попытаться...

Быстрая, как стрела, тень пронеслась мимо, врезаясь в ближайших волков. Хищники взвизгнув, отшатнулись, а тот, что не успел, повалился на землю, придавленный гибким телом молодой... лисицы?!
 - Что за цирк? – прошептал Стас, глаз не отводя от происходящего действия.
 - Я не знаю... – взгляд Даны метнулся куда-то в сторону. – Смотри, там ещё волки!
 И, действительно, в темноте показались новые тени приближающихся хищников, готовившихся к нападению. Об этом свидетельствовали их позы, прижатые уши, полусогнутые лапы. Но пока они ждали. Интересно, чего?
 А вот лисица сражалась яростно, и даже несмотря на то, что некоторым волкам уступала вдвое и по размерам, и по массе тела. Но вот в прыткости и изворотливости волков даже сравнивать с ней было нельзя, настолько она была грациозна.
 И всё же серые не сдавались, на время забыв о людях, то есть добыче, и все силы бросили на ликвидацию внезапно возникшей проблемы – враждебно настроенной лисы.
 В какой-то миг она приподняла голову, издав тонкий звук, совсем не похожий на волчий вой. Но вновь прибывшие волки на него отреагировали. И бросились на подмогу, отнюдь, не к своим «товарищам». Теперь лиса была не одна, пятеро рослых хищников сражались на её стороне, безжалостно атакуя тех первых, и Стас благоразумно распенился, что людям здесь делать нечего. Поэтому, сжав руку Даны посильнее, он потащил её назад, в сторону деревни, а вернее, пруда – нужно было предупредить ребят о случившемся. Пусть поднимут на смех, но безопасность превыше всего.
 Девушку уговаривать было не нужно, они бежали так быстро как только могли, постоянно оборачиваясь и опасаясь погони. Один из «нападавших» волков попытался их преследовать, но ему на перехват бросился другой, из вновь прибывших, и молодым людям посчастливилось почти без потерь (царапины и ссадины на ногах и руках были не в счёт) достигнуть берега пруда.

Каково было их удивление, когда у всё ещё горевшего, но медленно увядающего костра, они никого не обнаружили.

- Может, их уже спугнули... эти... животные? – робко спросила Дана – всё же в присутствии ребят ей было бы спокойнее.

- Может быть. – как-то неуверенно согласился Стас.

Как только это выяснилось, Север ещё сильнее стиснул руку Даны и сам, пойдя вперёд, потянул её за собой.
 Они двигались молча, без конца оглядываясь по сторонам и стараясь не шуметь, и уже вскоре настигли крыльца дома Данки.
 - Запрись. – тихо приказал Север, но девушка тут же остановила его.
 - Стой, а ты куда?
 - Попытаюсь найти Мишку. Надеюсь, с ним и остальными ничего не случилось...
 - С ума сошёл?! – попыталась вразумить его Данка. – Здесь волки рыщут целыми стаями! А ты с пустыми руками на них собрался?
 - Я сначала за дробовиком сбегаю, у деда есть.

- Стас, останься! – чуть ли не с надрывом взмолилась Данка.

А тот лишь усмехнулся.

- Да не бойся ты за меня! Ничего со мной не случится! Сама, главное, из дома не выходи до утра.

- Стас... Мне страшно...

Парень, подойдя ближе, ласково провёл рукой по её щеке.

- Всё будет хорошо, поверь мне. А своих я бросить не могу, вдруг они в беде. А после к тебе заскочу. Добро?

Данка нехотя кивнула. Ей действительно было страшно – за Стаса, сама –то она будет сидеть запертой в доме, и стены её защитят. А вот Север...

Благородный, блин, Дон Кихот. И всё же это одновременно подбешивало и восхищало. Не каждый, попав в подобную передрагу, после пойдёт в одиночку на выручку товарищам.

Но Север всегда был упрямым – не сдвинешь. Оставалось надеяться на удачу. И немного на дробовик деда Максима...

Глава 9

К дому своего деда Стас добрался быстро и без приключений, хотя и мерещились повсюду и волчий рык, и треск сухих веток, и прочие прелести испытанного совсем недавно стресса. Трусом он никогда не был, и всё же подобное приключение случилось в его жизни впервые.

Однако, как всегда любил повторять ему Сашка, пропавший без вести старший брат, проблемы сами себя решать не будут. Проблемы нужно решать здесь и сейчас, своими руками, а не перекладывать их на чужие плечи. Даже такие, как волчья стая вблизи жилой деревни, едва не разодравшая их с Ватрушей на куски.

От этих мыслей становилось совсем не по себе, и он пытался гнать их прочь, и всё же они настырно лезли в голову. Плевать. Он сильный, он справится...

В доме было темно, дед, должно быть, уже давно спал. По крайней мере, света в окнах не было, и это было только на руку Северу. Он знал, где дед хранит ружьё, заботливо завёрнутое в пожелтевшее тряпье. И знал, что оно заряжено. Как-то раз в детстве они с Мишкой добрались до него, стащив у Максима из-под носа с совершенно благими намерениями – пострелять по банкам.

И с точно такими же благими намерениями дед после оттащил их обоих за уши, чтобы неповадно было брать опасную игрушку без разрешения взрослых. А потом и от Сашки досталось – правда, теперь уже одному Стасу.

Но того жизнь так ничему и не научила, и в тот же день он выяснил, куда было перепрятано ружьё. На самом деле, Стас надеялся, что оно всё ещё там...

К счастью, он не ошибся. В углу, за старинным комодом в передней, как звал прихожую дед Максим, парень нащупал заветный свёрток и попытался аккуратно выволить его наружу. Дед мерно храпел, и ничто не предвещало беды, но едва Стас настиг порога, чтобы вновь незамеченным выскользнуть из дома, грозный голос Максима его остановил:

- Почто дробовик взял, окаянный?

- Да... это... на всякий... - Север ругал себя, что заранее не придумал отмазку на такой случай и теперь молот всякую чушь. – В лес хочу с ребятами сходить, а там эти, волки...

Дед, в одних семейках, но всё равно весьма грозного вида, приблизился к внуку, одним рывком вырвав ствол из его руки.

- Ох и бестолочь же ты, Стасик! Волк умный зверь, чай, не человек. Без надобности нападать не станет...

«-Да ну?!» - хотелось возразить Стасу, но он благоразумно промолчал, зная суровый нрав деда.

Заикнись он сейчас о недавнем происшествии, и тот костыли ляжет, чтобы из дома его больше не выпускать, будто он дитё малое.

- Спать ложись, скоро уж светать начнёт, а ты ещё на ногах!

- Меня там ребята ждут, не уйду же, не попрощавшись...

- Смотри, утром рано подниму, делов-то полным-полно...

- Поднимешь. – буркнул Стас. – А то я не знаю. Буду скоро...

И с этими словами вышел за дверь.

Жаль, без дробовика, конечно, но не скандалить же со стариком?

Но, не успев сделать и несколько шагов, в предрассветном тумане на сельской дороге, неспешно, ему навстречу вышло несколько людских (и на том спасибо!) силуэтов, явно решивших преградить парню путь.

Стас напрягся, услышав незнакомый женский шёпот, и замер, прислушиваясь к нему.

- Ты уверен, что это тот самый? ...

- Уверен. – а вот этот голос принадлежал явно Мишке, но радоваться, как Стас понимал, было рано. – Больше некому...

- Тогда – идём...

И Север, словно повинувшись этому приказу, хотя и отдан он был не ему, послушно двинулся навстречу странной компании. Но и выяснить, что им от него на самом деле нужно тоже не мешало...

Когда Стас ушёл, Данке стало по-настоящему страшно. Её накрыло только что дошедшими эмоциями, и слёзы сами хлынули из глаз, а от плача затрясло всё тело. Но разум твердил, что в таком виде на глаза бабушке показываться нельзя. Иначе допроса с пристрастием было не избежать. А потом – прощай прогулки на свежем воздухе, особенно в ночное время. Сегодня-то еле уговорила её отпустить, аргументируя всем, чем только можно, особенно своим совершеннолетием. И благоразумием. И явись она сейчас в таком виде, зарёванная и вся в ссадинах от веток, посиделок у костра точно больше этим летом не будет. И встреч со Стасом тоже...

«А надо ли они тебе?» - прошептал внутренний гнусавый голосок.

А вот надо! Надо! – хотелось закричать ей в ответ. И что это за лето в деревне без приключений? Пусть и таких диких... Зато почти как в детстве, только не понарошку. И так, всхлипнув в последний раз, она твёрдо решила взять себя в руки и, наконец, успокоиться.

Бабушка не спала, то ли дожидаясь её, то ли мучимая бессонницей, и, едва Данка переступила порог, боязно перекрестилась, пристально заглянув ей в лицо.

- Явилася? Слава богу!

Хорошо, что старушка была подслеповата. Нет, то, что подслеповата – не хорошо. Но вот то, что она не могла рассмотреть следы недавних слёз на лице девушки, уже лучше.

- Ты чего не спишь? – деланно возмущённо спросила Дана. – Ночь на дворе.

- Да как уснуть, тебя-то нет... - заохала Прасковья.

- Меня несколько лет не было. – усмехнулась Данка.

- Это другое. – бабушка тяжело опустилась на кровать. – Там, в городе, спокойнее. И мать за тебя в ответе.

- В городе – спокойнее? Да ты что, бабушка?! Обычно по-другому все говорят.

- Это другое. Ох, дурная кровь, девонька. – запричитала Прасковья. – Дурная кровь...

- О чём ты, ба? – нахмурилась Дана. Не нравились ей все эти суеверные загадки, которыми наверняка собралась потчевать её бабуля на ночь глядя.

Но та мялась, не зная, стоит ли и начинать.

- Бабушка? – поднажала девушка. – Давай договаривай, раз начала.

- О проклятии, древнем... Слыхала ж про ведьму, что всю деревню прокляла, дед-то покойный твой, царствие ему небесное, если Зверям такое говорят...

Бабушка вновь принялась креститься, пока внучка ошарашенно ждала продолжения.

- К-кому?!

Дана подумала, что ослышалась. Или второй, более нежелательный вариант – бабка сошла с ума. Ну, бывает же такое, от пережитого стресса. А тут внучка приехала, радость-то какая! Ну и повело у старушки...

- Помнишь аль нет? – всхлипнув, повторила бабушка. – Болтали раньше всё про неё. Сгубили бабу, живой схоронили! Грех-то какой! И за то навлекла она беду на всех, кто тогда в расправе участвовал...

Данка помнила. Смутно, очередная страшилка, услышанная ей у костра. И точно – без подробностей. Но причём тут её дед? И – звери? И вообще, сама она здесь причём?

- Помню, что тёмные людишки якобы ведьму в лесу прикопали – обвинили её в чём-то, а виной муженёк был, что определиться не мог, кто из жёнушек ему милее. – криво усмехнулась Дана, в очередной раз поражаясь жестокости и глупости людей.

- А после чё было, знаешь? ...

- Нет. Расскажи. – твёрдо попросила она. Хоть от мыслей о Стасе отвлечётся и о том, что, может быть, он сейчас в крайней опасности.

- Ну, слухай, слухай. – сказала бабушка. – Это произошло почти сразу, как самосуд над ведьмой учинили... но перед тем проклятие она выкрикнула, назвав всех зверями. Да не простые это оказались слова...

Глава 10

Приблизившись к шедшей навстречу компании, Стас постарался проигнорировать нагло палившуюся на него во все глаза эффектную девицу, что даже в предрассветных сумерках выставляла себя не меньше, чем королевой красоты. Но взгляд сам тянулся к неоспоримо шикарной внешности, пройдясь по стройной фигуре, плохо прикрытой груди не меньше третьего и остановился на симпатичном лице, неожиданно оказавшимся перемазанным чем-то тёмным.

«Кровь» - мелькнула в голове мысль, и блондинка, словно уловив её, небрежно утёрла щёки ладонями, приводя себя в более или менее достойный вид.

- Михан, где вы были? – постаравшись оторвать взгляд от этой симпатичной дьяволицы, Стас наконец-то задал свой вопрос. – Мы вас искали, там, на пруду...

Тот криво усмехнулся, всем своим видом показывая, что не удивлён.

- Чего лыбишься? Отвечай по существу... - начал злиться Север.

- Дела появились... неожиданные. – неспешно пояснил Мишка, явно рисуясь перед этой кралей. – Познакомься, это Катя...

- Хватит трепаться! – Кажется, блондиночка не была намерена подыгрывать Царю и сразу перешла к делу. – Есть разговор... Стас, да?

Северский медленно кивнул, подтверждая.

- Тогда прогуляемся... В лес. Тут, недалеко, хата есть одна...

- А если откажусь? – усмехнулся Стас. – В лесу волки, мало ли...

Вся компания во главе с Катей и Мишкой дружно заржали.

- Боишься? – бровь блондинки выгнулась в дугу.

- Тебя что ль? – хмыкнул парень.

- Волков. – тут же парировала Катерина. – Не бойся, они пока что не вернутся...

Стас с любопытством уставился на неё.

- А откуда...

- Да брось ломаться, Север! – перебил его Мишка. – Как девица красная. Пошли, тебе говорят. Авось чего нового узнаешь...

Но Стас даже не взглянул на Царя, глаз не отводя от внимательно изучавшей его блондинки. Значит, про нападавших зверей ей было известно. Интересно-интересно... Что здесь, в этой деревне, чёрт возьми, такое происходит?

- Идём. – наконец, согласился Стас.

- Ну, слава богу... - пробурчала Катка, первой срываясь с места в сторону леса. – Сразу бы так...

«Избушка на курьих ножках», как мысленно прозвал Стас сие сооружение, действительно находилась в лесу, и оказалась заброшенным домиком лесника. Он часто бывал здесь в детстве и помнил седого и косматого дядь Гришу, что сам был огромен и нелюдим как тот медведь, которым в детстве пугали их бабки да няньки. Собственно, на этого медведя они и ходили в лес посмотреть с пацанами, но заблудились, а после наткнулись на лесника – дядь Гришу, который оказался не таким уж и страшным, и даже угостил их земляничкой, собранной для личных нужд и проводил обратно к деревне.

Ох и трёпку им тогда дали! Уши неделю горели, а на задницу лучше было просто не садиться, чтобы не провоцировать ещё не зажившие раны от ремня.

Когда страсти с их неудачной вылазкой в лес немного улеглись, взрослые объяснили, что никакого медведя в лесу у них нет. Но это не значит, что и другой опасности там быть не может.

Вот, хотя бы, заблудиться – раз плюнуть. И если бы не лесник дядь Гриша, возможно канули бы они с ребятами в лесу, и поминай как звали.

Сейчас Стас думал лишь о том, что жизнь его так ничему и не научила. Вот он опять шёл в лес, по известному маршруту, к давно осиротевшему домику старого лесника, и даже не подозревал, о чём будет предстоящий разговор с представителями местной молодёжи.

Хотя Катька явно была не из местных. Красивая, чертовка, хитрая. Интригами от неё за версту тянуло, ну лиса, ей-богу! Вот только что всё это значило, он понять не мог. Зачем он понадобился этой компашке. Почему – он?

Но вот они добрались до места назначения и вошли в дом. Он, Катя и Мишка – остальные три остались за дверями. Хм. Интересно.

- Располагайся. – любезно предложила блондиночка, подходя к старенькому зеркалу, чтобы стереть с лица остатки... крови. Да, Стас не ошибся, это была всё-таки кровь. – Ты должен узнать кое-что о себе, новенький.

- Новенький? – усмехнулся Север. Происходящее всё больше напоминало ему театр или психбольницу. Или театр в психбольнице. – И где же «старенький»?

- А «старенький» мёртв. – на полном серьёзе сообщила Катерина. – Видишь ли, так происходит всегда: когда кто-то из наших погибает, его место занимает другой, новоприбывший. И на этот раз это ты...

- Подожди-подожди... - притормозил её Стас, лишь мельком скосив глаза на Царя – издеваются, что ли? – А «наши» – это кто?

- А «наши» – это оборотни. – голос Катки даже не дрогнул, а на лице не проскользнуло и тени улыбки. – И ты, Стасик, один из нас. Прими мои искренние сожаления...

- Елисей, спаси, помоги! Родной мой, единственный, желанный!

Зоя стояла в проёме двери, бледная, в разорванной на груди рубашке, чёрные волосы взлохмачены, глаза горят неестественным блеском, будто и нет их, глаз-то, а вместо них жёлтые огни, что витают над кладбищем ночью, в кромешной темноте.

- Задыхаюсь, умираю...

Елисей вскочил на кровати ночью – никого. Тишина, лишь сопение Любаши под боком – вот уж кого совесть не грызла, не изводила. Спит себе спокойно и бровью не ведёт. Да во сне улыбается. Избавилась от соперницы, получила, что хотела.

Он лишь сейчас это понял, и клял себя, на чём свет стоит, да поздно. Просветление в ту же ночь пришло, как протрезвел, хотя и пьяным-то не был. Бросился он в лес, к могиле свежей своей возлюбленной, да деревенские бабы шум что куры подняли, мужики на перехват пошли. Изловили, силком в деревню утащили.

А он... третью ночь в кошмарах, и поделом. Сгубил он свою Зою, отдал под самосуд, дурак, а теперь сам страдал. И с тем ненависть к Любаше всё боле со дна души поднималась...

Вот и сейчас очередной кошмар приснился. А ему всё чудилось – наяву. Пот градом, тело аж трясёт – не удержать, во рту сухо и жар в руках и ногах. Плохо аж жуть.

- Любаша... - позвал он, но та не просыпалась. Не слышала его тихий голос.

Лёг на подушку, повернул голову – Зоя уж тут. Лежит, в глаза заглядывает, руки с окровавленными пальцами к лицу тянет. Провела по щеке, след оставила кровавый. А кровь-то ледяная, густая, стылая.

- Спаси, любимый... - шепчет. А у Елисея аж сердце не движется, не стучит, так страх скрутил.- Дышать нечем, помоги...

Вскочил Елисей – откуда только силы взялись, в чём был, побежал на двор, схватил лопату да и в лес рванул, любимую вызволять. Заплутал в темноте, да видит – Зоя впереди, зовёт его, рукой машет. И он послушно за ней пошёл, отыскал-таки могилу.

Примерился, воткнул лопату, а Зоя стоит рядом, смотрит, с жадностью ловит его движения, да всё приговаривает: «освободи, спаси, помоги»...

- Сейчас, любимая, сейчас... - бормочет себе под нос, а сам всё копает, потом исходит. Немного осталось, вот уж и крышка гроба показалась.

А уж за ним погоня – видать, не одному ему плохо спалось. И Любаша в одной сорочке, и мужики деревенские на её крик поднятые.

- Елисей, слышишь? – орут мужики, приближаясь. – Проклятая она, оставь ведьму в земле гнить!

- Назад! – остановился, занеся лопату над головой. – Не подходи – убью!

Обезумел совсем. Любаша запричитала, слезами залилась, а Елисею всё нипочём – глаза горят, ошалел совсем! Вцепился в доски, а они - не прибиты. Замер, взглянул на остальных – на них лица нет...

- Где ведьма?! – первой опомнилась Любаша. – Ведьма где?!

И тут такой шум поднялся! Елисей-то упал прямо в пустой гроб, не в можах на ногах боле держаться, всё что-то шептал да прощения у Зои своей просил. И тут глядя в лицо любимому, невидимая ни для кого кроме как для Елисея, Зоя зло рассмеялась и... исчезла.

А жутко так всем сделалось, что беда!

Паника поднялась. К тому ж моменту почти вся деревня сюда подтянулась, пересуды начались, мужики глаза таращат, бабы страху друг на друга нагоняют.

*И в тот же миг чья-то незамеченная ладонь сжалась, собрав пальцы в бутон, губы зашептали заклинание, и повалился весь люд на землю, да не замертво, обращаясь в животных. Кто в свиней, кто в кошек, кто в собак... Зверей, одним словом. В разрытой могиле корчился огромный серый волк, коим стал Елисей. А жена его, Любаша, лисой обернулась, да скулила сейчас тонюсенько, толи моля о пощаде, то ли проклиная.
Сбылось проклятие Зои, звери они и есть звери, да просто их истинная сущность тут и показалась.
Так и наказала всех мертвячка, за гибель свою, да только по сей день потомки тех людей плату ту несут, в зверином облике хаживают.
И сами страдают, и другим покоя не дают...*

Глава 11

- Очень смешно. – цинично бросил Стас ожидавшей ответа Катьке – Мишка был совершенно не в счёт. – И что вы здесь употребляете ребятки, что вас так накрывает? Или детство в попе не отыграло? В оборотней играете? Ну-ну...
Ему и в самом деле стало смешно. Ситуация-то комичная. И даже после всего того, с чем им с Данкой пришлось столкнуться в лесу – переигрывают ребята. Развлекаются так, видимо.

Но Катерина лишь нахмурилась, Царь же начал откровенно злиться.

- Послушай, Север...

Но Катька выставила вперёд раскрытую ладонь – властный жест, и сверкнула глазищами так, что Стасу стало ясно: без боя, то есть продолжения разговора, ему не уйти.

- Не веришь, значит? – слишком спокойно продолжила девушка. – Тогда я приведу несколько фактов из твоей недавней биографии.

- Валяй. – Северский развалился в старом пыльном кресле, которое подозрительно закрипело под его весом, собираясь между дел изучить обстановку.
А она не сильно изменилась. Старенькая кровать, потемневшие пейзажи неизвестных художников на стенах. Заставленный всякой дребеденью стол – здесь явно никто не жил, видимо, только собирались как в штабе в такие вот минуты всеобщего помутнения рассудка...
Между тем Катька продолжала, следя за Стасом цепким взглядом.
- Твой аппетит гораздо улучшился в последнее время, а сон по ночам стал тревожным. Приступы внезапного раздражения, чередующиеся с приступами эйфории. Инстинкт продолжения рода, – блондинка многозначительно и совершенно не стесняясь окинула его фигуру изучающим взглядом, едва ли не облизнувшись, – тоже на высоте. Не путай его с похотью – всё естественно и не постыдно.
- Благодарю за подробное описание проблем подросткового возраста. – Стас вновь предпринял попытку подняться.
- Но я из него давно вышел.
Катька в мгновение ока оказалась рядом, раздражённо уставившись на Севера.
- И ты не помнишь, как здесь оказался! – едва ли не прошипела она истинную правду, хватая его за запястье. – Потому что обратился в волка и пришёл на зов, как каждый здесь до тебя!
Стас отметил, насколько крепка хватка у этой достаточной хрупкой на вид девушки. И всё же предпринял попытку вырвать руку, но Катька лишь усилила нажим.

- А ну пусти! – потребовал Стас, не желая сражаться с этой куколкой, обладающей мускулатурой Шварценеггера.

- Не пущу, пока ты не примешь правду! – заявила белобрысая фурия. – Запомни: здесь главная я!

Стас чуть не рассмеялся.

- Я это и так уже понял! Только мне вот как-то пофиг...

- И над тобой тоже! – не сдавалась Катерина.

- С какой это радости, позволь узнать?! – не сдержался Север. – Если вон Мишке нравится перед тобой пресмыкаться – пожалуйста! Я в ваши ролевые игры не играю...

Он вновь попытался освободить руку, но куда там! Катька сжала её так, что кисть начала белеть, а когда Северский стал сопротивляться, с силой оттолкнула его. Не ожидая проявления такой силы, Стас не смог удержать равновесия и грохнулся прямо на пол. Мишка, стоявший рядом, жадно следил за процессом и не вмешивался. Катерина же уставилась на лежавшего у её ног парня и с какой-то маниакальной настырностью прошептала:

- Обращайся!

- Что? ...

Стас ничего не понимал. Он хотел встать на ноги, но ему это не удавалось. Помимо того, боль скрутила, казалось, каждую клеточку его тела, мешая владеть собой, а из груди вырвался нечаянный крик. Что с ним? Внезапная эпилепсия? ЧТО???

Слюна поползла по подбородку, а сознание поплыло, размывая контуры и лица, и вместо крови по венам потекло небытие. Кажется, он потерял сознание или попросту умер. Или...

Нет, он не умер, краем сознания отмечая, что ещё чуть-чуть, и потеряет остатки человечности. Мир заплясал в глазах новыми красками, и вот, Стас с ужасом отмечал, что не может подняться с четверенек, и вместо рук и ног у него теперь покрытые шерстью огромные серые лапы. Он хотел закричать, но из горла вырвался протяжный вой, и тогда он заметался по дому, врезаясь и круша всё подряд.
 Двое людей – Катька и Мишка смотрели на него внимательно, с неким довольством и превосходством, и Стас понял, на ком сейчас хочет выместить свою злобу.
 В волчьей шкуре – а сейчас он был именно волком, это казалось таким естественным, наброситься на добычу, разорвать ей горло, а затем, совершив трапезу, вознести победную песнь ярости и тёплой крови, а потому, более не раздумывая ни секунды, он бросился в бой.
 Но люди, находящиеся с ним в одном помещении, были не так просты и могли защищаться. А ещё от них пахло «своими», особенно от самца – он тоже был волком, что сию минуту доказал это, перекинувшись в зверя, и теперь они сцепились в смертельной схватке, рыча и скаля белые острые зубы. Вскоре до Стаса дошло, что его противник защищает самку, хоть волчицей она и не была, но и человеком от неё не пахло. К тому же, она всё так же стояла, скрестив руки на груди, и наблюдала за схваткой двух волков. Один из которых явно защищал её... Вот оно, слабое место противника!
 Резко сменив траекторию, Стас неожиданно бросился к девушке, но та, зашипев и оскалившись совершенно по-звериному, смогла увернуться. А вот её защитник в тот же миг вцепился зубами в бок Стаса, отчего тот заскулил – от боли или от неожиданности, и мир на мгновение померк перед глазами.
 - Мишка, прекрати! – закричала самка на другого волка, что недовольно отступал, всё ещё щерясь и с агрессией поглядывая на противника. – Ты его покалечишь, идиот!
 Стас же, собрав всю свою волю и пытаясь загнать боль поглубже в себя, попытался отыгаться, и набросился на Мишку, сумев садануть его зубами.
 Теперь настала очередь Царя выть от боли, но тут опять вмешалась Катька.
 - Разбежались по углам, быстро!
 Этот приказ подействовал как ушат воды на голову, и Стас не мог ему сопротивляться. Тяжело дыша, всё ещё опасаясь нападения, он отполз в угол, но лечь не торопился, хоть ему и было нестерпимо больно.

Катя попыталась приблизиться, но он тут же зарычал, всем своим видом показывая, что он против этого.

- Я просто хочу помочь! – заявила она. – Дай осмотрю рану...

Но Стас взбеленился ещё больше, и девушке пришлось отступить.

Мишка, уже в образе человека, с неприязнью косился на него, держась за свой покалеченный бок. Царю явно не нравилось, что внимание Катерины направлено не в его сторону, ведь он тоже был ранен.

- Ладно. – девушка смотрела только на Стаса, двигаясь осторожно и говоря медленно. – Мы сейчас уйдём, отлежись тут. А когда проснёшься, иди домой. Я тебя позову, когда надо будет.

Кивком головы Катя пригласила Мишку к выходу, и когда дверь за ними грохнула, Стас ещё долго прислушивался к удаляющимся шагам и голосам. А после, когда всё стихло, позволил себе, наконец, расслабиться. И провалиться в бездонную яму тревожного недолгого сна.

Слава богу, очнувшись, он вновь обнаружил себя человеком.

Но легче от этого ожидаемо не стало.

Глава 12

Дана, поражённая и загруженная до предела поступившей информацией, ещё долго смотрела на бабуку и не знала, что ей сказать. С одной стороны, начало этой байки испокон веков (ну, сколько она себя помнила), блуждало по деревне, но та же Прасковья вечно махала рукой – мол, брехня всё это. Ни в каких оборотней и ведьм она «как бы» не верила, и то же мнение навязывала внучке, да и всем окружающим тоже.

И сейчас, заговорив о таком, просто выдала сама себя с головой. Суеверная, оказывается, у неё бабуля...

Страшная история Зои и подставивших самих себя жителей деревни брала за живое. Но... при чём тут была она? «Шоу» с погребением «ведьмы» и перевоплощением людей в животных было очень давно, если вообще – было. Дана была всё же склонна думать, что эту страшную сказку выдумали специально, чтобы пугать детей. Не более.
 - Баб... - пытаюсь сдержать укор в голосе, начала девушка. – Ты же не серьёзно...
 - А как же! Шутить буду, агась. Дед-то твой покойный... как вспомню, аж мурашки по коже! Когда первый раз... думала, головой того! Ан нет! Перекинулся в зверя и давай на меня бросаться! Это я потом припоровилась, запирасть его стала в погреб, а поначалу... И отец твой... Охохо, девонька, гены-то в тебе эти же...

- Постой! – остановила её Дана. – Ты говорила, на охоте отец погиб?!

- На охоте и погиб. – вытирая слёзы с ставшими мокрыми глаз. – Застрелили его, пока в волчьей шкуре бегал. Охотники так сказывали. А как нашли, человеком уже был. Мёртвым...

Разве такое может уложиться в голове?
 Дана уже не перечила, не спорила. Лишь смотрела на бабушку испытывающим взглядом, желая найти ещё хоть какие-то признаки безумия.

- Хочешь сказать, я тоже скоро по лесу в волчьей шкуре побегу? – наконец отмерла она, хмыкнув. – Ты вот вроде замечена не была...

- А я не из этой деревни. – сразу же нашлась Прасковья. – Засватал меня тогда Гришка, да как мать отговаривала! Прямо-то не говорила, да всё лишь намекала. Куды там! Любовь у нас случилась. Сказала матери, что сбегу, если добром не отдаст замуж, а она позора побоялась. Так и смирилась, а оно вон как вышло... Не жалею я, не подумай! Гриша-то золотым человеком был, не гляди, что в зверя оборачивался иногда. Не обижал и любил меня, баловал. А когда Серёжа родился, в общем, думала я, что обошлось. Так и было, лет до восемнадцати. Даже больше. А опосля...
 Бабушка зарыдала, а Данка подсела ближе, обняв её за плечи.
 - Ба, ну перестань. Да ничего со мной такого не будет...
 Она не верила. Вот честно – нет. Не бывает оборотней, всё это сказки. А бабушка просто устала. Напридумывала себе бог знает что и сама в это поверила.
 - Ты давай, ложись. – Дана аккуратно помогла Прасковье прилечь. – Время-то уже, вставать скоро. А мы еще не ложились.
 Бабулька что-то проворчала в ответ, но послушно улеглась и вскоре захрапела.
 Дана же честно пыталась уснуть, но сон всё не шёл. Слишком много событий и информации за одни недолгие сутки. Но всё это меркло и терялось при одной навязчивой мысли, как там Стас? Не попал ли в беду?

От одной мысли об этом девушку передёрнуло. Нет, не может быть.

Промучившись с час или два, она всё же поднялась на ноги, и как была в простенькой ночнушке на бретельках, лишь накинула на плечи бабушкин платок, и вышла на улицу. Было уже совсем светло, галдели птицы и наперебой с проснувшимися насекомыми этот гам звенел в воздухе единой какофонией. Солнечный свет был сейчас настоящим успокоением, но тревога всё не отступала. И Дана, устав обдумывать казавшиеся чем-то из разряда мистического слова бабушки и заглядывать вглубь себя, огляделась по сторонам.

Внимание её привлекло едва различимое движение в траве неподалёку, и тут же сердце её мучительно сжалось: Стас! Это был он...

Она бросилась к парню, выглядевшему не самым лучшим образом и, казалось, не сразу узнавшим её. Ошалелый взгляд, некогда белая футболка, запачканная кровью, уставший, да просто вымотанный вид! Можно было подумать, что он напился и подрался со всей честной компанией, но алкоголем даже не пахло. К тому же, кажется, он был ранен...

- Стас... - повторила она тише, пока ещё визуально обследуя тело парня на наличие повреждений. – Это они, те волки напали на тебя?! Почему ты не позвал меня сразу...

- Данка. – ласково прошептал он в ответ, сиюсь выдавить из себя улыбку. – Всё хорошо, я справился...

- Дай посмотрю. – девушка осторожно приподняла край футболки Стаса, по которой расплывалось кровавое пятно, и с ужасом содрогнулась.

Рваная рана явно от укуса всё ещё кровоточила. Помимо неё ссадины поменьше рассыпались по животу и бокам Севера, но опасности собой явно не представляли. Синяки в данном случае, даже самые большие, так вообще были не в счёт.

- Нужно срочно обработать... - заключила Данка, намереваясь подняться, но сильная рука схватила её за запястье, не давая уйти.

- Не нужно ничего. – кажется, язык «пациента» здорово заплетался. – Подорожник приложу, как раньше, так всё пройдёт.

- Но... - хотела было возразить девушка.

- Просто побудь со мной. Я... полежу тут. Не уходи только...

Дана вдруг поняла, что парень неосознанно перебирается головой к ней на колени, по своейски обхватив её руками. Она попыталась что-то возразить, но тот почти сразу вырубился, засопев, и теперь девушке ничего не оставалось, как сидеть в таком положении, не шевелясь и не зная, что делать дальше.

- Ну, ты и нахал, Север! – наигранно возмутилась она, а ладонь уже против воли потянулась к притягательному лицу, и пальчик медленно заскользил по чёрным в разлёт бровям, чуть курносому носу, выступающим скулам, щетине, что едва показалась на подбородке и щеках, над верхней слегка припухшей губой. Из рта Стаса вырывалось спокойное, чуть прерывистое тёплое дыхание, а глазные яблоки иногда вздрагивали под веками с тёмными густыми ресницами. И, боже, как это было приятно – касаться его кожи, чувствовать его голову на своих коленях, ловить дыхание и едва ощутимый мужской запах, исходящий от его тела.

Мурашки побежали по коже, и Дана вдруг сообразила, что хотела бы повторить этот миг, но только уже в полном здравии Севера, и своим, конечно, тоже. Кажется, он всё-таки ей нравился, даже слишком, или она попросту не понимала, что с ней такое происходит. Какой же дурой она была в детстве! Хотя, конечно, тогда всё было по-другому. Но сейчас... Сейчас она уже с жадностью осматривала не только лицо, но и тело своего бывшего повзрослевшего врага. Да как *такой* может не понравиться?! Он почти что идеален, этот Северский, чёрт его побери!

Разозлившись на себя и чтобы отвлечься от чересчур навязчивых мыслей о привлекательном парне, что сейчас спал практически в её объятиях, Дана принялась разыскивать глазами хотя бы тот же подорожник. Благо, лекарственное растение здесь росло в немереных количествах, и было доступно на расстоянии вытянутой руки.

Сорвав крупный светло- зелёный лист подорожника, Дана аккуратно приложила его к ране на животе Севера. Тот во сне беспокойно заёрзал, но девушка инстинктивно прижала его голову плотнее к своему животу, и Стас мгновенно успокоился, вновь ровно засопев. А Данка, зарыв пятерню в его слегка волнистых густых волосах, с наслаждением подумала, что когда они ещё вот так будут близки с этим несносным Севером, который в детстве столько ей крови попортил, что страшно было вспоминать.

И вот чего было ждать от него теперь?

Данке думать не хотелось.

Сейчас ей просто необходимо было побыть рядом с ним, как Стас того просил.

Но, конечно, в первую очередь ради себя...

Глава 13

Где-то орал во всё горло петух, а вот комар жужжал прямо над ухом, и было ощущение, что лежит она не в своей кровати, а на свежей траве, прохладной у земли и пригретой солнцем снаружи.

Стоп! А ведь так оно и было! Данка было дёрнулась, чтобы подняться, но кто-то со смешинкой в глазах удержал её силой, не давая даже пошевелиться.

-Тише, тише... - лукавая искорка так и плясала в глазах Севера, прижимавшего её к себе интимным жестом – немаленькая, надо сказать, грудь Даны уткнулась в накаченную грудь этого нахала и не могла привычно вздыматься, повинуюсь дыханию.

- Что ты себе позволяешь...

«Тоже мне, святая невинность» - произнося это, подумала про себя Данка. У самой аж живот в узел скрутило от этого его жеста.

- Там пастух дядя Коля, трёх своих бурёнок на луг ведёт. – весело пояснил Север. – А за ним баба Маня идёт еле-еле. Но, думается мне, глаз её по-прежнему зоркий, даже спустя столько лет. И если она нас здесь обнаружит...

Что тогда будет, Данке объяснять было не надо. Баба Маня – первая сплетница на деревне, «собственноустно» донесёт до каждого страждущего слышать её сплетни о том, что внук Максима и внучка Прасковьи, потеряв всякий стыд и срам, занимались самыми омерзительными делами прямо на траве, недалеко от дома несчастной бабушки. И ведь не докажешь, что ничего и в помине не было.

«Даже если очень хотелось» - опять мелькнула предательская мысль.

Благо, трава была высокой, и их, должно быть, не было за ней видно, если сильно не приглядываться. Но вот как она умудрилась уснуть на свежем воздухе, в одной ночной сорочке, в обнимку со Стасом?!

Наверное, пригелась, и её сморило точно так же, как и его. Да ещё бессонная ночь накануне...

- Как твоя рана? – чтобы не думать о крепких мужских объятиях, в которых она оказалась, поинтересовалась девушка.

- Фигня. Царапина. Всё уже прошло... - отмахнулся Стас, улыбаясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.